

268921

31/III

16 MAR 1934

Многоуважаемому
Андрею Николаевичу

М. Т. Саланский.

Крестову

Давидову

~~II. III~~

~~403~~

НАРОДНЫЕ ГОВОРЫ

КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ.

(ЗАМѢТКИ И МАТЕРИАЛЫ ПО ДИАЛЕКТОЛОГИИ И НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ КУРСКОЙ
ГУБЕРНИИ).

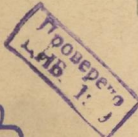
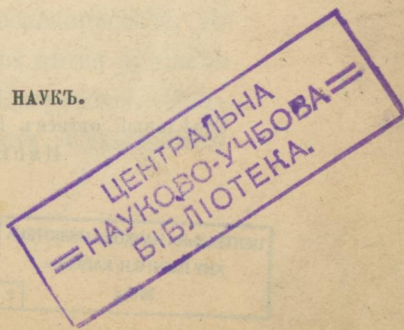
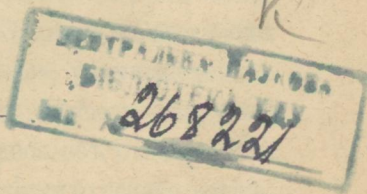
ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ОТЧЕТУ ПО 2-МУ ОТДѢЛЕНИЮ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ
за 1902 годъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1904.

58

1816

1239x

1487 (26)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Январь 1905 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ С. Ольденбургъ.

Отдѣльный оттискъ изъ Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности
Императорской Академіи Наукъ, т. LXXVI.

1486 (26)

НАРОДНЫЕ ГОВОРЫ КУРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Посвящается Игнатию Викентьевичу Ягичу).

Народные говоры Курской губерніи отличаются значительнымъ разнообразіемъ, объясняемымъ историческими условіями заселенія Курскаго края. Наиболѣе давнее населеніе, относящееся еще къ удѣльно-вѣчевой эпохѣ, по всей вѣроятности (Багалѣй, Очерки изъ исторіи колонизаціи степной окраины Московскаго государства. М. 1887 г., стр. 119. И. Н. Миклашевскій, Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. М. 1894 г., стр. 94—96), можно встрѣтить въ юго-западной части губерніи, въ у. Путивльскомъ. Эта часть территоріи, занимаемой Курской губерніей, имѣла значительно населенные нѣкоторые пункты въ то время, когда восточныя части Курскаго края составляли Дикое поле (И. Н. Миклашевскій, Къ исторіи хозяйств. б., стр. 96). Села Линѡвъ и Калищи, въ которыхъ живутъ теперь описываемые ниже «Горюны», упоминаются въ Актахъ Молченскаго монастыря за 1615 годъ. Отсюда—научный интересъ этого послѣдняго говора для вопроса объ отношеніяхъ между великорусскимъ и бѣлорусскимъ нарѣчіями русскаго языка.

Наибольшая часть губерніи, именно, сѣверныя и центральныя ея части, занята великороссами — южно-великорусской, то болѣе, то менѣе сильно акающей, діалектической вѣтви русскаго языка, уѣзды: Дмитріевскій, Фатежскій, Щигровскій, Тимской, Курскій, Льговскій, Обоянскій и части Суджанскаго

(больш. ч.), Бѣлгородскаго, Корочанскаго и Рыльскаго. Спорадически, въ перемежку съ малороссами, живутъ великороссы и въ другихъ уѣздахъ Курской губерніи: Старо- и Ново-оскольскомъ, Грайворонскомъ и Путивльскомъ. Появленіе великорусскихъ переселенцевъ изъ Московскаго государства въ Курскомъ краѣ восходитъ къ XVI в. и стоитъ въ тѣсной связи съ правительственной колонизаціей и охраной юго-восточной окраины Московскаго государства XVI—XVII в.

Южныя части Курской губерніи заняты малороссами, начавшими переселяться въ Московскую Украину изъ Литвы и Польши съ конца XVI и начала XVII в. Въ Путивльскомъ и Рыльскомъ уу. границей между малорусскими и великорусскими поселеніями является р. Семь или Сеймъ (народъ называетъ: *Сѣмъ*, но косвенные надежи: *на Сямѣ, за Сѣмзю* и друг.).

Мои личныя наблюденія относятся главнымъ образомъ къ великорусскимъ говорамъ Курской губерніи (относимъ къ нимъ условно и говоръ «Горюновъ» Путивльскаго у., содержащій въ себѣ нѣкоторыя черты малорусско-бѣлорусскія), съ однимъ изъ которыхъ (Щигровскимъ) я знакомъ съ дѣтства, а другіе я имѣлъ возможность изучать во время своихъ неоднократныхъ поѣздокъ по Курской губерніи, предпринимавшихся ранѣе по собственному почину, а въ послѣдніе три лѣта (1900—1902 г.) по порученію Московскаго Археологич. Общества и Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ (лѣто 1902 г.). Хотя я далекъ отъ мысли считать свои наблюденія надъ курскими говорами доведенными до желательной степени полноты и законченности, однако, нахожу своевременнымъ обнародовать собранные мною матеріалы для того, чтобы приготовить почву для болѣе детальнаго обследованія нѣкоторыхъ очень интересныхъ говоромъ, представители которыхъ, разбросанные по разнымъ концамъ Курской губерніи, остаются мало извѣстными въ этнографіи и діалектологіи русской.

Всѣ вообще великорусскіе говоры Курской губерніи (вмѣстѣ съ говоромъ «Горюновъ»), по различію употребленія въ род.

п. ед. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій окончаній *ого, его* (ага, ига, яго, чиго, туго) и *ово, ово* (ава, ява, ива, явó, ивó, чявó, тавó) раздѣляются на двѣ большія группы: а) удерживающихъ $г = h$ въ род. п. прилагательныхъ и мѣстоименій и б) замѣняющихъ здѣсь *г* посредствомъ *в*. Первую группу москвичи уже въ нач. XVIII в. называли *егунѣмъ*, т. е. *егунáми* (Путешествіе въ Св. Землю московск. свящ. І. Лукьянова. М. 1862 г.; стр. 8); въ настоящее время это названіе въ смыслѣ І. Лукьянова употребляется въ Воронежской губ. (Филатовъ, Великорусскіе говоры Воронежской губ., Русс. Филол. Вѣстникъ, т. XXXII, стр. 172); въ Курской губ. слова *егуны* я не слышалъ; вмѣсто него въ Тимскомъ у. употребляется названіе *кагай* (отъ употребленія ф. *кагò* въ род. пад.)

Егуны тянутся широкой полосой отъ Сѣвскаго уѣзда Орловской губерніи по направленію къ юго-востоку по западнымъ, центральнымъ и юго-западнымъ уѣздамъ Курской губерніи и выходятъ изъ области Курской губ. въ губерніи Воронежскую и Харьковскую. Упомянутый свящ. І. Лукьяновъ обозначилъ границу *егуновъ* или, какъ онъ назвалъ ихъ презрительно, «*егунья*» («стерешь нагòльный»), приблизительно около г. Кромъ Орловской губ. (Комарицкая волость).

Говоры, измѣняющіе *г* въ *в* въ род. п. прилагат. и мѣстоименій, какъ въ русскомъ литературномъ языкѣ, слышатся въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Курской губерніи, спорадически и между *егунами* въ уѣздахъ, занятыхъ этими послѣдними (напр. въ Путивльскомъ). Какъ тѣ, такъ и другіе говоры одинаково замѣняютъ неударяемое *о* посредствомъ *а*, *ь* отождествили съ *е* и оба эти звука произносятъ бòльшую частію очень узко, склонно къ *і* (этотъ звукъ мы обозначаемъ посредствомъ значка *є*), неударяемое *е* измѣнили или въ *и* или въ *а̇* (я), ударяемое *е*—въ *ѣ* въ тѣхъ же положеніяхъ, чтó и въ литературномъ языкѣ, съ нѣкоторыми исключеніями, и звукъ *г*, за небольшими исключеніями въ говорѣ Горюновъ, произносятъ какъ *h*. Звукъ *а*, какъ основной такъ и замѣнившій неударяемое *о*,

звучить открыто, ясно, во всѣхъ говорахъ, исключая говоръ «Саяновъ», гдѣ есть глухой звукъ *ы*, на мѣстѣ неударяемаго основного, общерусскаго *о*, предшествующаго ударяемому и слѣдующаго непосредственно за ударяемымъ, и нѣкоторые случаи болѣе краткости *а* изъ *о* неударяемаго, слѣдующаго непосредственно за ударяемымъ въ другихъ говорахъ.

По различію измѣненій неударяемаго *е*, стоящаго въ общерусскомъ языкѣ въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударяемому и непосредственно слѣдующемъ за ударяемымъ, всѣ великорусскіе говоры Курской губ., какъ *еуны*, такъ и *не-еуны*, раздѣляются также на двѣ группы: въ одной это *е* измѣняется въ *ѧ* (*я*), — это говоры сильно-акающіе, или *ѧкающіе*; въ другой это *е* болѣею частію измѣняется въ *и*, — говоры умѣренно-акающіе или *ѧкающіе*.

Подъ вліяніемъ регрессивной ассимиляціи, а равно говора купечества, мѣщанства и вообще городского, въ *ѧкающихъ* говорахъ не всегда послѣдовательно происходятъ указанныя измѣненія звука *е*: именно, *е*, стоящее непосредственно передъ ударяемымъ слогомъ и непосредственно вслѣдъ за нимъ и передъ слогомъ съ мягкой гласной, звучитъ не вездѣ какъ чистый *ѧ*, изображаемый нами посредствомъ *я*, скорѣе похоже на *и*, хотя тоже не вполнѣ чистый *и* (напр. вм. *зелѣный* слышно не вездѣ въ *ѧкающихъ* говорахъ *зялѣнай*, а иногда *зилѣнай* или *зѣлѣнай*), но тѣмъ не менѣе можно найти болѣе типичныя *ѧкающіе* говоры (напр. говоръ дер. Сидѣльѣвки въ Щигровскомъ у., Линова въ Путивльскомъ у.), равно какъ и болѣе типичныя *ѧкающіе* говоры (напр. говоръ Заломнаго Суджанскаго у. и части Болховца Бѣлгородскаго у.), хотя и въ этихъ послѣднихъ встрѣчаются случаи замѣны *е* посредствомъ *я* въ слогахъ, предшествующихъ ударяемому и слѣдующихъ за нимъ — все это явленія аналогичныя отмѣченнымъ г. Чернышевымъ въ говорахъ Московской губ., въ этомъ отношеніи сходныхъ съ говорами Курской губ. (Чернышевъ, Свѣдѣнія о говорахъ Московской губ. Сборн. II Отд. Имп. Акад. Наукъ, т. 68, стр. 9).

Отдѣльную группу разнорѣчій составляютъ шепелеватые говоры (какъ егуны, такъ и не-егуны, какъ икающіе, такъ и якающіе), измѣняющіе *и* въ *ис* или *с*, *с* въ *ш*, *ч* въ *ч'ш'* или *ч'и'* и *з* въ *ж*, называемые кое-гдѣ въ сѣверной и центральной частяхъ Курской губерніи *Саянѣми*.

І. Сильно-акающіе или якающіе говоры.

1. Говоръ, измѣняющій *з* въ *в* въ род. пад. прилагат. и мѣстоименій (*каво́, чяво́, яво́*).

Сильно-акающій или якающій говоръ, въ которомъ *з*, произносимое вообще какъ *h*, измѣняется въ *в* въ родит. пад. прилагат. и мѣстоименій, распространенъ въ Щигровскомъ у., сѣверной и сѣверо-восточной части Тимского, частично въ Курскомъ, Фатежскомъ и другихъ уѣздахъ губерніи. По костюмамъ население сходно съ мѣщанствомъ городовъ: женщины носятъ рубахи изъ полотна собственнаго издѣлья (замашнай или алляній) или фабричнаго производства («миткаливаи»), по вороту рубахи иногда оторачиваются оборкой изъ того же сорта полотна (называется брыжжы); юбки или сарафаны шьются изъ фабричной матеріи или изъ шерстяной домашняго производства; на головахъ носятъ «повязки» (только бабы) т. е. замужнія, и платки: — дѣвушки, сложивъ платокъ треугольникомъ, два конца его пускаютъ на затылокъ, а другіе два свободно связываютъ подъ подбородкомъ, а бабы довольно плотно обвязываютъ голову такъ, что два конца платка приходятся узломъ на лбу и у нѣкоторыхъ торчатъ изъ узла маленькими косичками. Верхняя одежда — кофта, пальто, шубка. Мужчины носятъ рубахи замашныя, льняныя, ситцевыя или кумачевыя, подпоясываются поясами, къ которымъ прикрѣпляется иногда гребень или дорожный ножъ, штаны (порткі) — больш. частью замашныя, бѣлыя; верхняя одежда — зипунъ изъ домашняго сукна темнаго цвѣта, кафтанъ изъ такого же сукна, но только синяго цвѣта, бешметъ — полукафтанье, съ перехватомъ въ таліи. Обувь — лапти, замѣняемые

все чаще и чаще въ послѣднее время кожаную, вслѣдствіе дороговизны лаптей.

Особенности говора. Гласные ударяемые *а* и *о* звучатъ ясно, открыто. Ударяемое *е* звучитъ трояко:

а) какъ широкій, открытый звукъ склонный къ *а*, изображаемый нами посредствомъ *э*: *с аднѣй старанѣ*;

б) какъ менѣе широкій, нежели *э*, и менѣе открытый звукъ, послѣ *ж*, *ш* и *шш* (изъ *ш*), для котораго оставляемъ *е*: *женщины вѣрная, шѣришань, аты вы нѣши душевнаи* (т. е. духовные), *шшѣдрай, жестъ, шесть, шест*, (род. п. шаста), *жѣшша*;

и в) какъ узкій звукъ, склонный къ *і* и близкій къ *іе*, то болѣе, то менѣе суженный, въ зависимости отъ характера слѣдующей гласной, изображаемый нами посредствомъ *е*: *сѣна, дѣнях многа* (болѣе открыто) и *сѣни, день, дѣситъ капѣн* (болѣе узко).

1) Измѣняются неударяемые *о* въ *а* и *е* въ *я*, т. е. *а* въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударяемому и слѣдующемъ за нимъ (относительно измѣненія *е* допускается исключеніе). Послѣ *ж*, *ш*, *ц* и взрѣдка въ префиксѣ *пере-* послѣ *р* на мѣстѣ литературнаго неударяемаго *е* слышится *а*: *шаптіть, адіймица, пирапѣлка, пираѣхал, жанá, чижалó, шшаміть*; послѣ *ч*, въ этомъ говорѣ мягкаго, *а* обозначено въ записяхъ посредствомъ *я*: *чяроá, чярѣйвай*.

Такъ какъ *ь* здѣсь равно *е*, то на его мѣстѣ мы встрѣчаемъ тѣ же самыя замѣны, что и на мѣстѣ послѣдняго: *дялóо многа, на дóмá, цанá, цаньí*.

Если за *е*, стоящимъ передъ ударяемымъ слогомъ, стоитъ *ѣ*, то переходъ перваго въ *я* не вездѣ полный: въ *зилѣнай, тилѣнак, тилѣнка* и проч. кое-гдѣ слышенъ звукъ средній между *и* и *е*.

Привычка къ чередованію звуковъ *о* (подъ удареніемъ) и *а* (безъ ударенія) въ однихъ и тѣхъ же словахъ повлекла за собой переходы ударяемыхъ *а* и *ь* въ *о*: *брóнитца, сахóрная, увѣсь кампíет нóбран, нóлты, уцóница, цóп* (цѣпъ). Въ словахъ

ва́лух (холощенный баранъ) а основное отъ глагола *ва́лѣть*, *класть* въ значеніи *холоститъ*, въ *ва́л* = во́ль а можетъ быть по аналогіи съ первымъ.

2) Звукъ *е*, стоящій въ 3-мъ слогѣ передъ ударяемымъ, измѣняется въ *и*: *зияно́ вино́ кури́тъ*. Часто слышно *и*, не такое правда чистое, какъ это, на мѣстѣ *е* въ слогѣ, слѣдующемъ непосредственно за ударяемымъ: *сва́дѣнка*, *бе́линкѣй*.

3) *Е* ударяемое послѣ небнаго согласнаго и передъ слѣдующимъ твердымъ переходитъ въ *о* (обознач. ё), какъ въ литературномъ языкѣ и приблизительно съ тѣми же исключеніями, что въ литературномъ языкѣ. Въ силу этого правила, въ глаголахъ 1-го спряженія напр. здѣсь во 2-мъ и въ 3-мъ лицѣ ед. ч. и во 2-мъ лицѣ множ. ч. господствуютъ правильныя окончанія *вазьмеш*, *идеш*, *вазьмѣтъ*, *идѣтъ*, *насе́тъ*, *вазьмѣтя*, *насе́тя*. Въ случаѣ отброса конечнаго *тъ* или сохраняется *е* или оно переходитъ въ ё: *беё*, *беэ*, *беё*, *нѣ*, *нэ*, *нѣ*. Но по аналогіи съ этими формами возникло окончаніе *ем* въ 1-мъ множ. тѣхъ же глаголовъ: *вазьмѣм*, *бярѣм*, *вадѣм*. Примѣры перехода *е* въ ё: *мѣл*, *сѣл*, ай ты аслѣп? *Хрѣст*, но *хрѣстик*, также *галавѣшка*, *катѣлка*, *у чѣргу* (въ очередь).

4) Новые случаи возникновенія *я* изъ *е* обобщились со старыми *я*. Поэтому привычка чередовать *е* и *я* въ однихъ и тѣхъ же словахъ отразилась на переходѣ ударяемаго основнаго *я* въ *е*: *мечъ*, *мѣчик* вм. *мѣчъ*, *мѣчикъ*; въ силу той же аналогіи неударяемое *я*, стоящее передъ ударяемымъ слогомъ, въ 3-мъ сл. отъ ударяемаго и въ слѣдующемъ за нимъ, измѣняется въ *и*, какъ *е*: *митѣлица* *митѣтъ*, *йираво́й*, *сви́вайси*, *у́прижъ*, *члѣво́ ты тут* *валаво́дисьси* съ нимъ и друг. Основное ударяемое *я*, раньше перейдя въ *е*, можетъ измѣняться здѣсь въ ё: *дитѣ* *маё* *дитѣтка*; *испу́жѣлси*, *затрѣсси*, *увѣсь* *закалатѣлси*; *Васькѣ!* *заприѣй ло́шатъ!* *Ды я уи* *запрѣх* *иѣ* *или* *иѣ*.

При литер. *е* звучитъ здѣсь *о* въ словѣ *по́пял* (попелъ); вм. *лепетать* здѣсь говорятъ *лапатѣтъ*, 3-ое л. *лапо́чя*.

5) *О* ударяемое переходитъ въ *у* только въ сл. *хучь* вм. *хочь*,

хуть — хотя; въ словѣ *агулѣк*, *бууль*, *агулѣчки* имѣемъ перестановку звуковъ. Мѣстоименіе *онъ* никогда въ этомъ говорѣ не произносится какъ *ѣн*. О начальное отпадаетъ въ словѣ *гарот* = огородъ.

Е на мѣстѣ древняго *и* — въ словѣ *каръоѣга*, = коврига.

У замѣняетъ *е* въ предлогѣ *въ* и въ началѣ словъ: *устать*, *упирѣтъ*, *уся*, *у садѹ*, *у поля*, *успрасі* явѣ; у приставляется къ слову *весь*: *увѣсь*, *увѣся*.

6) Краткій звукъ *е* или *ѣ* на мѣстѣ стараго глухого *ь* слышенъ въ словѣ *Курѣск* или *Курѣцк* (ср. *Путівець*, слышанное мною въ Путивльскомъ у.).

7) *и* вмѣстѣ въ слов.: *мѣластѣина*, *прастѣина*.

8) Въ словахъ, сложенныхъ съ *черезъ* и *пере*, въ однѣхъ мѣстностяхъ — ближайшее къ корню слова *е* сокращается въ очень краткій призвукъ или совсѣмъ пропадаетъ: *пирѣсинѣуль чиръ* с *плитѣнь*, *пѣрѣнил* (перепелъ), *ты пирѣсидѣлъ сабѣ ногу*, *чирѣсидѣльник*, въ другихъ произносится какъ *а*: *пирѣѣхал*, *пирѣбѣх*, *пирѣзѣн*, *пирѣдрѣх*, *паймѣлъ пирѣлѣйчку*. Члены одной семьи (Клепиковыхъ), живущей въ дер. Кирѣевской, произносили не такъ давно еще *черезъ* какъ *пирѣз* (изъ *перезъ*): *пирѣзъ рѣчку*. Равнымъ образомъ говорятъ въ разныхъ селахъ: *ришѣто* и *рашѣто*, *крапѣва* и *крапѣва*.

9) Звучные согласные въ концѣ словъ всегда переходятъ въ отзвучные: *бон* — *бабѣй*, *столѣ* — *сталѣы*, *гот* — *гадѣв* и проч.

10) Звукъ *г*, всегда произносимый какъ задне-небный передъ широкими гласными (Янор) и передне-небный передъ узкими (бѣгѣй), въ род. падежѣ именъ прилаг. и мѣстоим. измѣняется въ *в*: *дѣбрава*, *сѣнява*, *кавѣ*, *чѣвѣ*.

11) *Т* измѣняется въ *ч* въ словахъ: *хучъ* (хоть), *анчѣхрѣст* (антихристъ).

12) Звукъ *к* послѣ *й* и небныхъ согласныхъ дѣлается самъ небнымъ: *капѣйкѣ*, *Вѣнѣкѣ*, *рѣтѣкѣ* (рѣдька), *сабалѣкѣвай*, *карапѣкѣв*. Послѣ *ч*, хотя этотъ звукъ произносится здѣсь какъ небный, не бываетъ такого измѣненія: *чѣрачѣкѣ*, *чусапѣкѣ* и друг. Въ предлогѣ *къ* *к* измѣняется то въ *х*, то въ *г*: слышно *г* *Богу* и *х* *папу*.

13) Звукъ *ф* произносится какъ *хв* или *х*: *Хвѣдаръ, Хама, хунт, Хвѣлип, у Пяръхѣвила Хамичъ у жѣня пирыпѣлки кричѣя* (у Порфирія Домича).

14) Зв. *о* замѣняется черезъ *у* въ началѣ словъ передъ согласнымъ: *усѣ, унук, урѣмя* (отдѣльно, но *усѣ врѣмя*), *устѣал* — *всталъ, удава, улитѣла птѣичка ув акно и свилѣ сабѣ нѣздуника у хѣтя*. Передъ *у* звукъ *о* выпадаетъ: *дѣушка* (при чемъ *у* здѣсь уже, короче, нежели у путивльскихъ Горюновъ), *удѣушка маладѣ*. Вм. предлога *у* передъ слѣдующей гласной слышится постоянно *ув*: *уваднѣм дѣма, уваднѣй хѣтя, увашѣл увѣзбу и нашѣл увѣзбѣ свѣйх дѣтѣшак*.

15) *Ш, ж* и *ц* здѣсь тверды а *ч* — мягко: *шыпы, жыстѣ, цыи, малчѣ, ня дѣш, ан скѣжутѣ: спѣш. Шѣбѣалъ* — *карѣвѣи ногѣ, шишукѣ. Шѣ* = *ши*: *шишукѣ, Ахванасѣй сидѣишай, гнаѣишай*; *ч* = *чѣ*: *чѣлок*. *Ш* вм. *с* слышно въ словахъ *шышинацѣтъ* и *шкарлукѣ*. Обратно *с* вм. *ш* слышно кой-гдѣ въ словѣ *салаш*. Въ *сипѣтъ, сипѣтъ, асѣп* (охрипѣ), *сип* (въ узкомъ смыслѣ заднепроходнаго отверстія и зада у человѣка и животныхъ) можетъ быть и нѣтъ замѣны *ш* черезъ *с*.

Вм. *ц* произносятъ *тъ* т. е. *тѣ* въ словахъ: *тъвет, тѣвѣтѣ, тѣвѣтѣ алаи*. Звукъ *ч* вм. *ц* слышенъ въ словахъ: *чѣп* (цѣпъ): *сабѣка на чѣпѣ привѣзана; чѣво ты? ай чѣпи сарѣвѣлси (сѣ чѣпи, можетъ быть, кто-нибудь услышитъ и сѣ чѣпи), чѣпѣя* въ смыслѣ названія птицы цапли, *Ardea*, и въ значеніи чѣпельника, сковородника, чѣплѣй; *чѣрямѣница, чѣрямѣнѣя, чѣплѣтѣца, Амчѣнск* (Мценскъ) *чѣпѣчка*. Сложные звуки: *тч* произносятъ какъ *тчѣ* или какъ *чѣчѣ*; напр. въ словахъ: *кабатѣчик* в. *кабачѣчик*, *Братѣчикѣв* и *Брачѣчикѣв*, *тч* какъ *тчѣ* или какъ *чѣчѣ*: *малацѣцѣ, малацѣцѣв* или *малѣтѣца, малѣтѣцѣв*. Въ окончаніи 3-го лица и неопредѣленнаго глаголовъ сложныхъ съ *ся* слышно то *чѣчѣ*, то *тчѣ*: *убѣвѣтѣца* и *убѣвѣтѣца*.

16) Случаи ассимиляціи и диссимиляціи согласныхъ.

Вм. прѣрубъ говор. *прѣлуп* или *прѣлѣпка*: *папѣл у прѣлуп* и *утѣп* — *замѣлси увѣвѣся*.

Вм. ярмарка — говор. *ярманка*.

Вм. священникъ, кухонный — говор. *свишшѣльникъ, кѹхальнай* (нош).

Вм. сейчасъ говор. *чичас*.

Вм. маленькій — *маханькай, мѣнинькай* и *мѣлинькай*.

Вм. *шсья* въ окончаніи глаголовъ *сьси*: самъ *здѣлаисьси* *мась-тирам*; *чявѣ* *чирямѣнисьси*?

Вм. *уто́нешь, утонѹлъ, утонѹли* — говор. *уто́пниш, уто́п* (кое-кто говор. *втоп*, но надѣ такимъ смѣются), *уто́пли*.

17) Звучные или взрывные согласные *д, б, г, ж, з* въ окончаніяхъ словъ и передъ глухими согласными произносятся какъ отзвучные или глухіе — *т, н, х, ш, с*.

Перенесеніе измѣненныхъ такимъ образомъ согласныхъ въ положеніе внутри слова и передъ гласной замѣчается только въ нѣкоторыхъ случаяхъ: *лѣтка* — *лѣтачка, вѣтка* — *вѣтачка* и *вѣтѣчка*, но *прѣпка* — *прѣбачка, цѹпка* — *цѹбачка, рѣтка* — *рѣдинькай*.

18) Случаи замѣны однихъ согласныхъ другими:

Вм. развередить — *разбирядѣть*.

Вм. попробовать говор. *патрѣбать*.

Вм. сквозь — *скрось* или *скрѣсть*.

Вм. свобода, свободный — *слабѣда, слабѣднай*, вм. освободить — *аслабанѣть*, вм. вопить — *лапѣть*: *муш лапѣть*: эй, *гаршешникъ*.

Вм. пристань — *прѣсталь* (для мытья бѣлья).

Н замѣняется посредствомъ *м* въ собственныхъ именахъ: *Микѣта, Микалай, Микѣхвар*, но *Никанѣрка*, или *Иканѣр, Никашка* или чаще *Аникѣшка* (Никандръ); дьяканъ *Нил* усѣмъ намъ *мил*.

Вм. литер. *ш* слышно ч или ш въ словахъ: *апчаство* (или *апшаштво*), *пѣмачь, ѡпчій*, но *зямлѣ апшшѣсьтвинная*.

бн — замѣняется черезъ *мн* въ словѣ *на́дамна* (говор. также и *нада*).

вн — *мн*: *рѣмнай, усѣ рамно́, дамно́*.

мн — *мл* въ словахъ *сумленья, сумлива́тца*.

19) Перестановка звуковъ наблюдается въ случаяхъ: *абна-кавѣнной, пратянка, карвѣга хлѣба*.

Приставл. *а* въ словахъ: *Амченск, акрамѣ, аграмѣднай* и др.

20) Прѣпуски и вставки согласныхъ:

Пропускается *д* въ словѣ *прѣзникъ, прѣзникшинай наряд*.

Пропускается *в*: *кушын, рѣзѣ* (вм. *развѣ*), *здрастуй?*

Отпадаетъ *л* въ такихъ словахъ, какъ: *Катиринаслав, Йираслав, карѣн* вм. *корабль*, но *журавель*.

Отпадаетъ *с* въ словѣ *трашиять* вм. *стращать*: *трашишая барона кустѣ байца*.

Выпадаетъ *е* передъ *у* въ среднѣ нѣкоторыхъ словъ: *дѣушка карѣушку дайла; ох, галѣушки мам!* (въ см. о горе мнѣ!). *Траушка мураушка* (можно и слышать очень слабое *е*, слѣдъ его).

Вставляются *т* и *д* въ словахъ, какъ *страм, страмитъ, стражѣня, дасток* (досокъ), *иструп* или *струп* (срубъ) *срубить, ндравитца*, но *панарѣвили*.

Вставляется *н* въ словѣ *индял* вм. *видѣл*: *индял дѣвал, кудѣ набажал; индял, какѣй вѣстрой: такъ тибѣ и дам; индял, какѣя хѣзину збажѣтавал, животъ обмирать; индял, кудѣ (и кудѣ) жетъ: ты ямѣ ни такѣ — шѣй зѣмлю аддѣй, — самъ иди къ ямѣ у работѣники; индял, малѣя съваркнѣла; индял, рош — та, мѣря*.

Вм. *снимать* говорятъ *сымѣть*, вм. *унимѣть* — *уваймѣть*, вм. *уймѣ* — *уваймѣ*, вм. *обними* — *абаймѣ*, вм. *поднять* — *подними, падытъ, падымѣ*, вм. *разнимѣть* — *разымѣть* (разбѣрѣть и разводѣть) повелит. *разаймѣ и разымѣ*.

20) Случаи твердости и мягкости согласныхъ.

Законъ регрессивной ассимиляціи часто примѣняется въ этомъ говорѣ къ согласнымъ, которые дѣлаются небными, если за ними слѣдуютъ узкіе гласные *и, е*. Поэтому говорятъ здѣсь: *сидѣ сѣмирѣна, первай сѣпѣнѣ, первѣй сонѣ, я дѣушка сѣмирѣнница была — читѣварѣхъ рѣбѣт рѣдилѣ, дѣве капѣйки, дѣвинутѣ дѣвѣрю, атѣведѣй-кѣ мѣтку, абѣвѣтрила, синѣтябрѣмъ смѣтрѣтъ, агарѣбѣникъ, скѣтъница, но карѣбѣница; напѣрасѣмѣ дѣ нишѣсѣмѣ*.

Губные мягкіе здѣсь отвердѣли какъ въ концѣ словъ, такъ и въ срединѣ: *юлунъ*, *бров*, но *брови*, *пригатовъ рунъ* с *питакомъ*, *сем* (для числа 7 и для названія рѣки Сейма), *зѣмлю*, *дязевзня*, *дязшѣзля*, *хлебзникъ* (слышно и *хлебникъ*), *харчевзня*, *купзидъ*.

Звукъ *н* въ однихъ словахъ внутри произносится мягко, въ другихъ твердо: *асинка*, *пѣсинка* *маѣ*, *индя* (индѣйка) *набой бриндя* но — *Олинья*, *маминья*, *сонца* (именит.).

Зв. *р* произносится твердо въ словахъ: *первай*, *верхъ*, *свѣрху*, *цѣрква*, *дворникъ*, *юрница*, *порча*, *сѣрпъ*, *зѣркала*, *карзина*, *карпѣтъ*, *кармѣшка*, *стѣрва* (*падамъ*), но *грибы*, *грипъ*. *Р* смягчается въ словахъ: *дряхва* (*дрохва*), *дряга* (*трясина*), но *драгва*, *желе*, *студень*, *крятивъ*, *завтра*.

Также точно твердо произносятся звуки *х*, *ж* и *ш* въ случаяхъ: *лѣшка*, *лѣхча*, *ямуналѣхчила*, *здѣшний*, *прѣжний*, *грѣшникъ*.

Мягко произносятся: *з*, *с* и *н* въ словахъ: *Кузьмъ*, *вазмъ*, *письмо*, *мѣнши* или *меня*, *ранши* и *рѣня*. *Зѣлъ* вм. *золъ* = *злой*.

При соединеніи предлоговъ *въ*, *къ* и *объ* со словами, начинающимися съ гласныхъ звуковъ, происходитъ или сліяніе предлоговъ съ слѣдующимъ словомъ или переходъ *въ* въ *у(в)*: *онъ увымѣню* *усваѣмъ живѣтъ* (*живетъ*), *увѣтамъ* и *вѣтамъ*, *вымѣня уѣхалъ*, *абѣ етамъ* или *абѣтамъ*, *къ етаму*, *къ ентаму* и *къ ѣтаму*.

Примѣры сокращеній словъ: *ырѣтъ* — онъ говоритъ, *стамѣтъ* — стало быть, *бамѣ* — бывало-че, *анадысь* — нѣсколько дней тому назадъ; соб. имя *Рѣя* вм. *Рахиль*, *Сѣма*, *Сѣмка* отъ *Семѣнь*.

Въ области склоненій отмѣтимъ слѣдующія особенности:

Въ словахъ обращенія можно слышать сокращенныя формы рядомъ съ полными: *Бѣчкъ* — *бѣчка!* *баславѣ!* *Вѣнѣкъ* — *Вѣнѣкя!* *иди*, *дуракъ* (или *дурашка*) *ка* мне; *Микиткъ*, *Микитка!* *Рибятъ*, *рибятя!* *давай картошки есть*. (Протяжно произносится слово, выражающее обращеніе, если выражается ласковость привѣта).

Зват. п. вм. именит. въ словѣ *Владыко* употребляется только въ средѣ духовенства и купечества, когда идетъ рѣчь объ архіереѣ.

Дат. безъ предлога употребляется въ выраженіи *двару* (т. е. *домой*) *идить*. Архангелскій дательный отъ стараго существит. *болъ*: *пахать къ боли*; *бáчк*, *пáжáлуйтя* и *бóли*! *пáпá нѣтути дóма*; *уѣхал* и *бóли*.

Мѣстн. пад. именъ сущ. муж. р. при удареніи на послѣднемъ слогѣ оканчивается на *е* и *у*, безъ ударенія — на *я* и *у*: *в ти́ряму́*, *на дварѣ́*, *у садѹ́*, *у са́дя*, *у лясѹ́*, *у лё́ся*, *на паталкѹ́*, *на каніѹ́*, *на каню́*, *на дявѣшнику*, *на затѣлку* и *на затѣлка*, *на гарóдя*.

Во множ. ч. им. — вин. пад. отъ *рох*, *бок* — *ро́ги* и *роа́*, *бо́ки* и *бока́*: *на все бо́ки*. *Ру́ки в бо́ки*, *глаза в патало́ки* употребляется въ значеніи винит. множ. ч., но не мѣст. ед. ч.

Въ род. п. множ. ч. *рох*, *зуп*, *сапо́х*: *нядал Бох сви́нній рох*; *из зуп кров пашла́*; *па́ра сапо́х*.

Арханг. творит. въ сказкѣ: *по́лны ро́ги тваро́ги*, *по́лны цы́цы вадѣ́цы*, *по́лны бо́ки мало́ки*.

Вм. слова свекровь говорятъ *связа́рво́зя* (часто) или *связа́-рѹ́ха* (рѣдко), вм. церковь — *це́рква*, вм. морковь — *мо́ркава*.

Окончанія род. п. ед. ч., дательн. и мѣстнаго смѣшиваются въ звукахъ *е* (удар.), *я* (изъ неудар. *е=ѣ*), *и* и въ *ы*: *да рабо́тя зазе́лян дю́жа*, *дай ру́н*, *я сы́збѣ бя́кну*. *Иде́ он?* *Ды у вы́збѣ*, *у ха́тя*, *кы́збѣ*, *к хатя́*; *но: у кле́тки*, *у те́тки*, *варати́лси са слѹ́жбы*, *и был у слѹ́жбѣ*. *Старичёк из ихня́й старане*. *У ваднѣ́й тѣ́къва савсемъ нѣту симяно́в*, *а у дру́гой хунт питнатца́тъ вѣ́су*. *Умаё́й ба́бѣ радѣ́лси сын*. *Ана абрасѣ́лась*, *хадѣ́ла на расѣ́*. *Бачк!* *у вас вѣ́тъ май́ки на раса́дя*. *Пасика стаи́тъ у лаши́ны* и *у лаши́ныя*. *Калотка да адной пча́лѣ зару́била ра́я*. *Ба́рин за́нѣл тили́тъ с маё́й зямлѣ́*. *Из горя́чѣй вадѣ́ у хало́днаю тир-лажѣ́ их*.

Твор. п. *сило́м*: *ни вазьме́ш дабро́м*, *вазьми́ сило́м*; *сило́м привѣ́ли яво́*.

Для обозначенія собирательной множественности при словѣ *галки* отъ *галка* употребляется собират. сущ. *галъ*: *кы́к галъ че́рнаи*. Вм. *ви́шнѣ*: *ви́ш* и *ви́шнѣнъ*.

Имена съ неударяемыми конечными *о п е* въ именит. един. ч. имѣютъ видъ именъ сущ. женск. рода на *а* и *я*: *чѣстая по́ля*, *хоро́шая се́на*. Такое фонетическое совпаденіе не только не отражается на ослабленіи категоріи средн. рода: *на чиста́м по́лю*, *чиста́ва по́ля*, *хоро́шава се́на*, но ведетъ образованіе и такихъ согласованій, какъ *маё хвамі́лья*. *Какъ тваё хвамі́лья?* Вм. имя употребляютъ *имяно́*: *Матѣшк! ай ба́чка на тебе разнёвалси, што дал тваёй до́чки тако́я имяно́?*

Въ мѣстн. пад. окончанія *у*, *ю*: *уварёшаню́*, *у ви́шаню́*, *у кажды́м акнѹ́ на красавицы*.

Имен. п. множ. ч. *брёвны*, *варо́ты*, *зе́рны*, *ухи*, *цусиня́та*, *ути́нята*.

Род. п. отъ слова *сы́мя*—*симяно́в*, но отъ слова *у́ремя*—*вримѣн*, отъ *имяно́*—*имѣн*; отъ *зярно́*—*зе́рнав*: *бабы! зе́рнав, нѣ́тя зе́рнав!*

Старинная форма *те́ля* встрѣчается въ стихѣ шуточной пѣсни: *мая те́ля хвасто́м ме́ля*.

Старинныя формы двойственного числа встрѣчаются слѣд.: *мурле́* (имен. ед. ч. *мурло́*, мордастый человѣкъ), *скуле́* (*ску́лы*), *брыле́* (*поля шляпы*), *муде́*; *на кале́нѣ у ваде́ праста́ял*.

Нарѣчія: *атрада́сь*, *навдаку*, *адначе́*.

Прилагат. въ имен. пад. аканчиваются на *ай* вм. *ый* (*ой*), *яй* вм. *ій* (*ей*) и *ой* (ударяем.): *красна́й*, *си́няй*, *си́ни́нькай*, *бе́линька́й*, *пашо́й*, *хитро́й* — странный.

Въ род. п. *ава*, *ява*: *добрава*, *синява*.

Вин. п. въ ж. р. вм. *ую* имѣетъ *аю* (изъ засвидѣтельствованнаго старыми памятниками оконч. *ою*) при неударяемомъ окончаніи и *уя* при ударяемомъ: *пра́ваю ру́ку*, *тѣ́мную но́чюшку*, *за́мѣ́лькю ради́маю* (плодородную), *ма́тушку ради́маю* и *ро́дную*, *шля́пу пухо́ваю* и *пухаву́я*, *жану́ маладу́я*, *ле́нду галубу́я*, *руба́ху а́мляну́я*.

Оконч. *и* въ им. п. множ. числа встрѣчается въ слѣд. именахъ: *самъ сыт*, *а глаза́ ня сы́ти*, *багат*, *багати*, *рат* — *мы вамъ ради*, *мо́лади*, *га́разди*, *пзя́ни*, *хрѣсти*, *бубни́* (въ картахъ).

Для сравнит. ст. употребляютъ окончанія *ша*, *ея*, *шы*, *ей*

(нѣ) ея, еичя: скарей, скарейча, скарея, длиншы, тонгыш, лёгша, параня и рангыш, злёя, боля, мёня.

Для превосходной степени — кромѣ оконч. *ишишай, еушишай, — юшшай, ушшай: балышушшай (и балышшшай), здаровишшай, длиннишшай* — употребляется продолженіе гласной основной, сопровождаемое иногда повтореніемъ прилагательнаго: *вм. самый длинный* говорятъ: *длиннннай длиннай; здаровай ужэбнша, хааробшай лóди; вм. очень сильный, — большой* и проч. говорятъ: *доужа сѣльнай, — балышóй, — гарячшай* и проч.

Мѣстоименіе *онъ* имѣетъ род. *явó; вин. ж. р. ийё* или *ийё*.

Отъ *ты, себе* род. — *вин. п. тибё, сибё; дат. табё, сабё*.

Сокращенная форма употребляются отъ *ты* — *те* для дат. и *вин. пад. Вот те знай. Хрянци* (или: *Аа, валасáтик*) *тё растачі. Я те задám*. При аффе́ктѣ согл. *т* въ такомъ *те* удволяется: *я-тьте дам*.

Отъ *каков* род. *п. какова* и *каковтава*.

Отъ *тот, одѣн* творит. *пад. женск. р. с тэю, аднэю, дат. тэй, аднэй*. Род. *п. тыё, одныё, вин. ту, адну* и *адныё*.

Вм. чѣмъ употребляютъ *чѣм* или *чем* въ такихъ выраженіяхъ, какъ: *Чѣм ни ꙗда, чѣм ни зрѣлая, ни пасѣ́лая? Пасиде́лая красная деушка. Чем балта́тца ды лягушак битъ, ты бы дела де́лал*.

Вм. этотъ употребляется *ентат*.

Глаголь. Обычное окончаніе неопредѣленнаго наклоненія — *тъ*; въ пѣсняхъ можно встрѣтить, какъ архаизмъ, — *ти*. Отъ глагола *ити* употребляется неопредѣленное *иді́тъ* или *иті́тъ*. *Вм. жать сжатъ*, употребляютъ *жмать (жму), сажмать, сажму*.

Въ наст. вр. во 2 и 3-мъ л. ед. ч. гортанные иногда перестаютъ смягчаться: *тикёш, бирягёш, стирагёш, тикётъ и тикётъ, бирягётъ, но можыш, можытъ*. Въ 3-мъ л. ед. ч. *тъ* сохраняется или отбрасывается.

Спряженія смѣшиваются, вслѣдствіе чего конечная неудаемая гласная въ 3-мъ лицѣ одинаково звучитъ въ 1 и 2 спряж. какъ *я* и *а*: *хóдя, вѣ́дя, пи́ша, и́шша, хóча, іо́ня, жа́ря, по́лзая,*

и *гаріть*, *вядётъ*, *нясётъ*, *бзётъ*, *пзётъ*, *брыньдя* нагой. Отъ *бритъ* — *брою*, *броиш* и проч.

Въ 3-мъ лицѣ множ. ч. смѣшиваются оба спряженія въ окончаніяхъ *ють*, *уть* неударяемыхъ: *вѣзють*, *хѣдють*, *дѣржють*, *хѣлють*, *любють*. Ударяемые окончанія въ 1-мъ спряженіи удерживаются: *насють*, *вязють*; во 2-мъ спряженіи часто отбрасывается конечное *тъ*: *кричѣ* (*у* *Пярхвила* *Хамича* *пярпѣжи* *кричѣ*), *гаварѣ*, *ни* *гарятъ* (*и* *ни* *гарѣ*) *маи* *дравѣишкѣ*, *толькѣ* *гаснутъ*.

Неударяемые окончанія *нть* и *итъ* въ неопред. накл., -*нл-* и -*ил-* въ прошедшемъ времени совпадаютъ въ *ятъ* и -*ял-*: *вѣдѣял*, *бзѣдѣял*, *узбѣдѣял*, *пахѣрял*, *спѣтрял* (*спалилъ*), *сывастѣчал* (*сдѣлалъ*), *бѣлѣятъ*, и друг.

Отъ гл. *дать* прич. стр. зал. *дадян*, *дадина*.

Въ прич. прошедш страд. зал. *вм. суф.* и иногда употребляется *т*: *вѣткатъ*, *наклѣтатъ*, *усѣ* *налѣмататъ* и *наклѣдинатъ*, *налѣманатъ*.

Примѣры употребленія несогласуемаго стараго причастія: *поздравляимъ васъ святыя таинъ принявши*. — *Вѣрасла рои* *стай чилавѣка*.

Примѣры употребленія твор. пад. для усиленія: *варма вѣритъ* (= жарко, парить), *пѣидамъ иидѣтъ*, и *паядѣмъ естъ* (ѣсть). Сюда же вѣроятно отнести нужно выраженіе: *сѣрка срѣтъ* въ смыслѣ *робѣтъ*, измѣнять данному слову, отступать.

Въ знач. около употребл. *абѣпала*: *абѣпала дярѣвни*; *хѣдитъ* *ѡкала* *ды* *абѣпала* (говорить обиняками).

Обычны употребленія: *вазитъ* *снапы* *на* *дваѣмъ*, *на* *траѣмъ*, *на* *читвяромъ*, *на* *питярѣмъ*, *пѣхалъ* *на* *дваѣмъ*, *на* *траѣмъ* *вм.* *на* *двухъ*, *трехъ* и т. д. *подводахъ*.

Вм. *отъ* употребляютъ предлогъ *сѣ*: и *сѣчѣвѣ* (и *щѣвѣ*) *ты* *узѣялъ* *ета?* и *сѣчѣвѣ* (*щѣвѣ*) *случѣласъ* *ета* *сынѣмъ*?

Предлогъ *скрозъ* можетъ употребляться безъ существительнаго въ значеніи нарѣчія *всюду*, *вездѣ*: *гратъ* *усѣ* *скрозъ* *пѣвѣбилъ*, *скрозъ* *абѣидѣ* *усю* *дирѣвню*, *ничѣвѣ* *ни* *кѣпнишъ*. *Дажжѣ* *скрозъ* или *скрозъ* *прашлѣ* *хаарѣшѣ*: *хлѣбѣ* *направилѣ*.

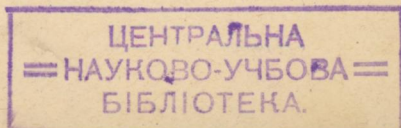
Междометія, употребляемыя при обращеніяхъ съ домашними животными:

а) при зовѣ — коровъ: *тпружы́, тпружы́!* телятъ: *тпрусы́, тпрусы́!* лошадей: *кось, кось!* овецъ: *вычь, вычь!* свиней: *чюх. чюх!* куръ: *цып, цып!* гусей: *тѣга, тѣга!* утокъ: *утъ, утъ, вутъ, вутъ* или *вѣтя, вѣтя!*

б) при отгонѣ лошадей: *шѣнь!* свиней: *узѣ! или улѣ!* щенятъ: *тин!* куръ: *шше!*

Уличныя прозванія въ селѣ Расховцѣ и деревняхъ — Сидѣлевкѣ, Кирѣевской и Ковалевкѣ:

Шша́дра, Шматокъ, Валтуй, Шалпѣк, Салтык, Савѣнак, Губа́н, Ка́сар, Лала́, Лапѣнак, Вилѣй, Кридялѣнак, Гунды́рка, Варабѣй, Дубаносай, Нага́яц, Курба́щ, Мура́, Суку́рка, Курьѣк, Во́ран, Дуда́, Лю́тра (Ю́тра), Каві́наи нозри, Гунды́рка, Чиблясе́нак, Каню́й, Пискари́, Крысы́чкины, Дяро́вай, Юхто́вай губы, Жыле́знай нос, Куляша́та, Бычковы, Вал (т. е. вол), Ався́нка, Коча́т, Качято́к, Тара́нки, Халау́мчик, (халаумнай, шальной, шалый), Со́ннаи, Журавлі́та, Юра́с, Ёжык, Штукин, Лядашшай, Яры́ки, Кураві́ца, Калмы́ки, Кашабеи, Сукава́тай, Шы́лиц, Палѣни́нькай, Жываро́нак, Сурна́, Бара́н, Гры́зики, Го́рлав, Пушо́к, Хахо́л, Каса́ри, Чури́лка, Га́йда, Балту́шка, Ушшо́тай (говор. ушшо́), Са́бля, Казѣ́л, Рубяле́м нос (*рубѣль* для катанья бѣлья). Барда́ым, Калдуба́й, Цынба́лкины, Шмо́йлав, Ха́мин, Папко́вы, Чикмашо́в, Галавко́в, Яро́шин, Маржако́вы, Карсо́навы, Тюри́ны, Спасѣ́нкавы, Мурляко́вы, Качига́нкины, Туркин, Кибі́я (говорящій кибы-я т. е. кабы я), Шшапо́ткины, Приструявы, Кады́шка, Симиѣ́ршыны, Жилѣ́знывы, Нужда, Зако́ннав, Сара́чинскай, Антамо́навы, Алляно́вы, Ры́манаы, Битковы, Кара́сёвы, Трусове́каи, Уса́тинькавы, Сарачковы, Мыта́равы, Кляузника́вы, Ырмако́вы, Кубако́вы, Риву́новы, Шугаёвы, Чи́бисавы, Касатки́ны, Тирѣ́шины, Нос, Сизо́й, Тавруй, Тягун, Гу́сявы, Гро́хавы, Варо́нкины, Хаду́личавы, Маздаковы, Арѣ́шыны, Скаже́ннаи, Басиха (босикомъ ходила), Су́зя, Синько́в, Билазе́рав, Каві́наи ноги, Була́навы, Мари́ха, Реш, Ухан, Канапе́лкины,

Кури́нав, Хамутовы, Хвармальновы. — Ратазея дразнить: Эй ты! Щитинки, ващинки, камари́нава сальца.

Списокъ рѣдкихъ словъ и выраженій, употребляющихся въ области описаннаго говора.

Абилон — окрестность, районъ; онъ завладѣлъ усѣмъ абилонам.

Аблаухай — о человѣкѣ съ большими ушами, о стриженомъ: *кутѣйничик ты аблаухай!*

Абляк — о толстомъ и здоровомъ ребенкѣ: *он такой у нас абляк* (сравн. въ Олонецк. губ. *обляк* — полозъ саней).

Аблом: *аблами таво аблом, а хто ходя і девкам в дом.*

Абувка — обувь: *на сваей обувки и адежда нанѣтца.*

Агалтѣлай — тотъ, кто не слушаетъ добрыхъ совѣтовъ, предостереженій и проч., для котораго слова, что горохъ въ стѣну.

Аглаѣт — лѣнтяй.

Адонья, адонак — круглая кладушка изъ сноповъ хлѣбныхъ растений.

Аплахтатца — одѣться.

Алѣх — ольховый лѣсъ: *паіоним лашыдѣй увалѣх. Каробы увалху.*

Анцѣбалъ — бранное слово.

Анчѣхрясть — атихристь.

Акаратѣтца — остановиться.

Асва и аса — оса.

Асйлак — родившійся богатыремъ, силачемъ ребенокъ до 7-ми лѣтняго возраста.

Атзынуть (двери), приотворить.

Баглай — дармоѣдъ.

Баглить — (о дождѣ) итти дождю, мочить дождемъ (ср. *багно* болото въ Обоянск. Судж., *багністое* мѣсто — мокрое мѣсто, мочежина въ Кочеткѣ Харьк. г.); также и о побояхъ: *бить*;

узбáлмѣть, хорошенько смочить дождемъ и побить: *дош нас как узбáллял. Муш и давай ииѣ бáлмѣть, узбáллял как слѣ дуить.*

Благавать — блажить, баловаться.

Булгáчить — тревожить.

Бурóвить — бродить: *квас забурóвал* и — ворчать, говорить про себя вслух.

Брýндить — въ шуточной пѣснѣ *мая индя нагой брындыа, мой кочат кúрку тóпча.*

Валнатáп — шерстобить.

Вóзгри — сóпли, носовая слизь.

Вóска въ выраженіи: *вóску визíтъ* — возить снопы съ поля на гумно въ лѣтнюю рабочую пору.

Вы́бахатца — вырасти.

Гáлман — мужикъ, грубіянь; собирает. *галманьѣ.*

Гага́й — бранное слово: повѣса, лѣнтый: *уу, гагай!*

Гóлымям нахóдя — временемъ находить, бываетъ, случается.

Гунд́ить — юлить: *ана усѣ и барину чипляитца и гунд́ить и гунд́ить* (Бѣлгородъ).

Гнаю́шшай — гнилой, больной, тщедушный: *ды атьвяжысь ты, гнаю́шшай, што гнаю́шшай.*

Дамажы́л — домовый.

Дісьни — дёсны.

Дулéп — высокорослый и глуповатый человѣкъ.

Зазéльный да рабóтя — трудолюбивый, ревностный въ рабóтѣ.

Занигúнуть — утолиться боли: *зубы занигúнули, рана занигúнула: ни балмѣть.*

Збагн́етавать — сдѣлать, устроить; — то же, что *сывастóчить* или *свастóчить*: *збагн́етавал сабѣ хату.*

Ж́ить — имѣть часто особое значеніе — находиться въ незаконномъ сожителствѣ: *Катю́ха вáша жы́лá съ Хри́то́шкой* (Харитономъ).

И́ньдял — видѣль, при особенно, аффектаціи.

Изьмигúльничать — представляться немощнымъ, хитрить.

Изьмётки — прыщи, чврья: *у нявó па всямú тѣлу паимлі изьмётки.*

Калбáть — шить въ ироническомъ смыслѣ: *што ты тут калбáиш.*

Калѣчина въ выраженіи: *калечина малечина, многа чясов да вечира?*

Кáмбал съ постояннымъ эпитетомъ — кривой или касой: *касóй кáмбал* (ср. камбала — рыба).

Касарецкай парасёнак, — приготовленный ко дню св. Василя Кесарійскаго (1-го января): *малить касарецких.*

Ку́рачка — женскій половой органъ.

Камóлай — безрогій (о козлѣ, баранѣ).

Кстить — крестить; кстіны — крестины.

Куліга — лужокъ, небольшой кусокъ земли, оставляемый подъ сѣнокосъ (с. Панки Старооск. у.).

Лáставица — двѣтная вставка въ мужскую рубаху подъ мышками: *Яшка красная рубáшка, сініи лáставицы.*

Лúnка — небольшое углубленіе въ землѣ: *ани у ваднú лúnку ссуть* (о дружно живущихъ мущинахъ).

Мастіокъ — молодець, мастеръ: *Ани на ета масьтюкі.*

Мацавáть — рвать: *сабаки мацúють чю-та чюжúя; — ёсть съ жадностью и небрежно: бúlку мацúя.*

Мочка — игольное ушко и vulva собаки, (для послѣдняго значенія еще употребл. *пятлú*).

Му́лить — о рѣзи напр. въ глазѣ при засореніи: *што у мене му́литъ у глазу.*

Малить карову — обрядъ моленья за новотельную корову и теленка, совершаемый старшею женщиной въ домѣ.

Навдáку — едва ли: *он навдáку ета издѣлая.*

Нисура́знай — неуклюжій.

Нагóльнай тулупъ — шуба изъ овчинъ побѣлёныхъ, не дублёныхъ.

Нáзар — *кричáть у нáзар — во слодъ.*

Напаслѣ́дя или напаследак — наконецъ.

Няня, нянька — старшая сестра.

Отраснай — о травѣ: *отрасная трава* — хорошая.

Пабаляхний — побольше.

Пазыичить — взять въ займы, стянуть, взять, украсть.

Нарылистой — смазливый, симпатичный (въ г. Бѣлгородѣ).

Пасалот — поблажка: он ня любить дава́тъ пасало́ту, не даетъ спуска, поблажки.

Патаныкавать — напѣвать про себя.

Парѣпатца — потрескаться: *ру́ки ат карто́ шак парѣпа-нались*.

Патьчигáрай — поджарый, сухощавый, тонкій на длинныхъ ногахъ.

Пирьпилесай или пирьпилѣстай — рябый, какъ перепелка или съ бѣлыми полосами.

Писклёнак, писклята — цыпленокъ: насѣтка — самахóтка усягда́ большы и лúчыи пискля́т выво́дя.

Плѣха — *блядúа*, проститутка и оплеуха: *закати́л ямúплѣху здаароваю*.

Пóпьял — пепель, остатки сгорѣвшей ржаной соломы, въ отличіе отъ золы, происходящей отъ дровъ и гречневой соломы.

Пóспа — сусло для кваса.

Прахóвай — рыхлый, жидковатый, рѣдкій: *прахóвая кáша прахóвай хлеп*.

Раз или рас: въ счетѣ значить — одинъ: *рас, два, три*, и т. д., затѣмъ употребляется въ значеніи *на́за*, трещины: *но́ги парѣ-нались*, — *разы́ такі́ — страсть!*

Ратазей — мелочный торговецъ, щепетильникъ, разъѣзжающій на лошади по деревнямъ.

Расстрѣ́тца — разминуться: *и какъ ésta мы съ ним расстрѣ-лись!*

Рипитава́ть — горячиться, громко и бурно выражать недовольство.

Ритава́ть — реве́тъ: *бык идётъ (или иде́) на булицы и рятúя (или рятúить): «жани́л бы тибѣ: пиряста́л ба»*.

Ручинецъ, названіе для возраста поросенка въ 12 дней: *первый рученецъ, второй рученецъ: маханькай парасёначикъ, явѣ за-резали, тольки што вышлал ямѣу пёрвай ручинѣи.*

Саднить — объ ощущеніи боли въ ранѣ отъ ожога.

Свирбѣть — зудѣть, чесаться.

Сирьбярѣна — шиповникъ.

Симибратьнія кров — красные кораллы въ естественномъ видѣ. Входитъ въ составъ народнаго лѣкарства отъ саркомы.

Сресь или сресь: до верха, до краевъ, ровно съ краями: *сресь наполнить кадушку водою.*

Страстѣть — смѣшать, чередовать.

Стрибинѣть — бѣгать быстро (о дѣтяхъ, жеребятахъ; въ Судж. у., стрибѣть — бѣгать, подпрыгивать).

Сывастѣчить или свастѣчить — сдѣлать.

Сип — задній проходъ у человѣка и животныхъ.

Сураега; очень любимое кушанье, — сырое тѣсто изъ гречневой муки, смѣшанной съ квасомъ.

Сѣрѣм, названіе мужского полового органа.

Тураѣть — гонять; *вытурить* — выгнать.

Тырлычина — жердь для устройства кровли дома, сарая.

Тимѣшить — мѣсить грязь, ходить по грязи.

Трипѣч (въ Рыльск. у.) — тотъ, кто треплетъ пеньку.

Тѣотик — щенокъ.

Тѣоти — нѣту (въ дѣтск. яз.).

Хѣзина — о большомъ и неуклюжемъ строеніи: *ѣтакая хѣзина.*

Хлутцѣ — тонкія жерди, изъ которыхъ связывается борона.

Хрида въ выраж. *хрида хридай пришѣл*, — объ измокшемъ и грязномъ человѣкѣ, иначе: *ахрѣтка.*

Хинью пройти — пропасть безъ слѣда: *у нѣво такъ усѣ нашло хинью.*

Ухадѣтца — устать, успокоиться, умереть: *ухадѣлси старикъ*

Узвалѣк — пригорокъ: *ѣхать на узвалѣк, пад узвалѣк.*

Уѣсть, ударить, въ прош. вр. *уѣл*; огрѣлѣ, и о половомъ актѣ.

Умадѣть — устать, умориться: *ну ды и умадѣл жа я савсѣмъ.*

Урёкать, кричать *урё!* вслѣдъ к. л., стыдить к. л. крикомъ *урё!*

Унётритца: запастъ, внѣдриться: йскра унётрилась у пилянѹ.

Хряняц — въ шуточномъ выраженіи: хрянцы те растахи:

Цыбар — рычагъ для выниманія воды изъ колодца, журавель.

Цыбарка — бадья при цыбарѣ.

Цыпки или цыпачки — трещины на рукахъ и ногахъ, исходящія отъ сухости кожи и грязи.

Чяпчик — чѣртикъ.

Чкнулси месиц — ущербился мѣсяцъ (въ с. Спасскомъ, Щигр. у.)

Чюрюкан — сверчокъ, (сравни. чиркунъ у Даля).

Чюцкѡй, — ая — говорится о породистыхъ свиньяхъ и о невѣжественномъ человѣкѣ: *чюцкая свинья*; прибавляютъ къ этому еще: *паласатая*.

Чяврить гов. о листьяхъ, свернувшихся подъ дѣйствіемъ солнца или огня: *листья усѣ пачяверили*.

Шлюха — гулящая женщина.

Шкура барабанная — бранное слово: *уу! шкура барабанная!*

Ярыкнутъ, сильно ударить.

Нѣсколько поэтическихъ оборотовъ употребл. въ рѣчи:

Вырасла рош, стай чилавека — въ ростъ человѣка.

Ня будя расы таптатъ — скоро умрѣтъ.

Шмилей слушать — упасть на землю, съ ногъ слетѣть.

О высокоросломъ человѣкѣ (верзилѣ) говорятъ: *вот абаянская вярста*.

Пирикрястить, или пирькрить, или пиракстить тебе абаянским или масковским лаптям (или асьмѣткам) знач.: одумайся, сообрази лучше!

Аддать пад-за-тритьѣ — постороннему, третьему человѣку, въ третью руки что либо передать, напр. деньги.

Лягушак бить — вести праздный образъ жизни, тоже, что бить баклуши.

Вм. немогу терпѣть ч. л. говорятъ: тирпѣть ни люблю.

Сравни русскій и литовскій оборотъ съ люблю, *люблю* для выраженія обычнаго дѣйствія по отношенію къ настоящему: аш люблю ритмечяје келтис, я люблю по утру рано вставать. Лит. гр. стр. 228, изд. Варш. уч. округа. Варш. 1891 г.

Нѣкоторыя женщины повторяютъ послѣднія слова фразъ съ прибавленіемъ што: ды рѣзя явѣ сразу узнаиш, што узнаиш?

2. Сильно-акающіе или *якающіе* говоры, не измѣняющіе *з* въ род. пад. ед. ч. прилагат. и мѣстоименій (Егуны).

Въ этой группѣ говоровъ нужно различать А) говоры безъ примѣсей малорусско-бѣлорусскихъ и В) говоры съ малорусско-бѣлорусскими примѣсями.

А. Егуны безъ малорусско-бѣлорусскихъ примѣсей.

Въ этой группѣ егуновъ можно различить два подговора.

а) Въ Дмитріевскомъ у. (с. Нижняя Саковнинка) и въ Обоянскомъ (см. статьи гг. Машкина въ Трудахъ Курск. Статистич. Комит. т. I и Курск. Сборн. т. III и г. Рязанова въ Русск. Фил. В. т. XXXIII) слышится сильно-акающій говоръ съ измѣненіемъ *е* на *я* въ слогѣ передъ ударяемымъ, содержащимъ широкую гласную (мятку, вясна, у Пясѣшнам, падырутца, у каго, ничагѣ), и *е* на *и* передъ слогомъ съ узкой гласной (дибельша), со склонностью къ губному произношенію *о* и *а*, отчего происходитъ измѣненіе этихъ гласныхъ въ *у* (рукува), и съ удержаніемъ *з* въ род. пад. прилагат. и мѣстоим. (*Митраславскаго уезду*, т. е. Дмитріевского что на Свапѣ). Мѣстоим. *онъ* произносится здѣсь какъ *ѣн*. Гортан. *ж* послѣ *й* и небныхъ согласныхъ смягчается: *дайжа*. Этому говору свойственны нѣкоторыя особенности въ словарѣ: здѣсь говорятъ напр. *я кажѹ* вм. я говорю, *усканабѣили* — встречивали, сравн. *канбѣй* — скандалъ въ щигр. у. и друг. Въ селѣ Нижн. Саковникѣ женщины носятъ высокія клочки, имѣющія видъ усѣченныхъ конусовъ, нѣсколько наклоненныхъ впередъ и

украшенных двумя короткими черными махрами. Такія же кички носят коегдѣ въ Щигр. у. напр. отчасти въ с. Ясенкахъ.

б) Второй подговоръ отличается какъ отъ предыдущаго, такъ и отъ прочихъ говоровъ Курской губерніи, болѣе послѣдовательной палатализацией *к* и, кромѣ того, звуковъ *р*, *л*. Этотъ говоръ встрѣчается среди великороссовъ, живущихъ спорадически въ Новооскольск. и Старо-оскольск. у; ихъ передразниваютъ: *эй ты, яю мѣмкя!* Я съ этимъ говоромъ, къ сожалѣнію, мало знакомъ, всего — по произношенію одного рабочаго (столяра), встрѣченнаго мной въ г. Бѣлгородѣ, по статѣ г. Садовникова въ Филол. Зап. за 1867 г. и по записямъ и свѣдѣніямъ отъ бывшаго уч. Бѣлгор. гимназіи М. Попова, теперь проф. Томскаго университета (изъ с. Проточнаго).

Р, *л* смягчаются въ такихъ случаяхъ, какъ *рѣт*, *ребрѣ*, *дуплѣ*, *бурѣк*, *рѣма*, *парѣ рабочая*.

К смягчается не только послѣ *й* и небной согласной, но и послѣ *ч* (которое вообще мягко въ курск. говорахъ), *с* и *т*: *сучкѣм*, *малычкѣм*, *царыкѣвнай*, *кускѣм*, *марьскѣй*, *пѣрушкя*, *сонушкя*, *дѣтяткя*, *акѣшкя*, *лукѣшкя*. *Ласкавая тѣлѣткя дѣве мѣтки съсѣ*. *Малышншкя бяднѣжшкя скланил сваю галѣвушкю*. *Сахаркю; рукѣй падатъ туды; прѣтѣшкявъ, ахѣтѣшкявъ, кадѣшкю*. *Каровкя налета с малачкѣм будя*.

Звукъ *е* замѣняетъ *и* какъ неударяемое, такъ и изрѣдка ударяемое: *грахвѣн*, *прѣвда истенная*, *жесѣт балѣтъ*. *Жесѣм памалѣнѣкю на капѣталы пакѣйных радѣтилявъ*.

Предл. *кз*, *ко* измѣняется здѣсь, въ силу господства смягченнаго звука *к*, въ *ки*: *ки стюдѣнай*, *ки вады*.

В. Егуны съ малорусско-бѣлорусскими примѣсами (Горюны).

Жители селъ Путивльскаго уѣзда: Линова, Новой Слободы и Калѣщъ называются *Горюнами*. Въ объясненіе этого прозванія обыкновенно ссылаются на то, что Горюны — бывшіе монастырскіе крестьяне, будто бы терпѣвшіе большую нужду въ періодъ

крѣпостной зависимости отъ Молченскаго монастыря и получившіе будто бы отъ прежняго «гореванья» свое нынѣшнее названіе: «мы Гарюны», объясняла мнѣ одна женщина горюнка причину своего прозванія: «гарювали». Не находя достаточныхъ основаній ни для принятія этого объясненія, ни для опроверженія его, мы съ своей стороны, замѣтимъ, что названіе *Горюновъ* можно бы сопоставить съ именемъ *Горянъ* Іоакимовской лѣтописи, названія сосѣдей *Полянъ*, «славянъ жившихъ по Днѣпру»: «Славяне, живущіе по Днѣпру, зовоміи Поляне и *Горяне*, утѣсняеми бывше отъ козаръ, иже градъ ихъ Кіевъ и прочіи обладаша, емлюще дани тяжки и подѣльями изнуряюще, тѣи прислаша къ Рюрику предніи мужи просити. . . . князя княжити. (Татищевъ, Исторія Россійская т. I кн. 1, стр. 35).

По своимъ костюмамъ Горюны отличаются какъ отъ малоруссовъ, такъ и отъ великоруссовъ Путивльскаго у. Верхняя одежда какъ мужчинъ, такъ и женщинъ — «сукно́» — дѣлается изъ домашняго темносѣраго или чернаго сукна съ перехватомъ въ таліи, съ цвѣтными вышивками по бокамъ у пояса и по кромкѣ полы. Рукава оторачиваются кожей. Старики и особенно старухи сохраняютъ верхнюю одежду изъ бѣлаго сукна, длиннѣе нынѣшней, съ болѣе длинными рукавами. По «сукну» подпоясываются поясомъ. Болѣе легкая, чѣмъ «сукно», верхняя мужская одежда — полукафтанье или бешметъ, съ рукавами и таліей, называется «юбкой». На головахъ старики еще носятъ войлочные «колпаки», но молодые замѣнили «колпаки» шляпами.

Рубаха женская съ длинными рукавами, украшенными шитьемъ или вставками изъ красной матеріи, называется чохвы или чохлы (*л* или *с* неясно выговаривается); по рубахѣ носятъ «панёву» съ «хвартушкой». Голову бабы покрываютъ «намётками» — бѣлыми полотенцами, а дѣвушки носятъ вѣнки или «ткѣнки», парчевыя или вышитыя серебромъ полосы, съ лентами спускающимися на спину. Тканки повязываются платками, а, поверхъ платковъ накладываются узкіе вѣнчики изъ гусиныхъ перьевъ. На ногахъ — чулки и лапти или сапоги.

Въ говорѣ Горюновъ сохраняются главныя особенности южно-великорусскихъ говоровъ: 1) неудар. о обычно = а, но есть случаи перехода его въ у: *пувязываютъ*. Удар. о въ оконч. косв. пад. прилагат. и мѣст. женск. р. измѣняется въ эй: *уваднэй, у Каряйнэй, из друэй, ни днэй*; 2) ѣ = е = е. Неударяемое е въ слогахъ, предшествующихъ ударяемому и слѣдующихъ за нимъ непосредственно, измѣняется въ я, причемъ это я ясно, открыто звучитъ такъ, какъ въ наиболѣе чистыхъ говорахъ якающихъ Щигр. у. (напр. дер. Сидѣлёвка). Случаевъ замѣны е, слѣдующаго за ударяемымъ слогомъ, посредств. и я встрѣтилъ мало: *ябѣ, трѣ-тяй, бярѣца, скрябѣ, бяйтя, у Каряйнэй, ухѣтя, нясѣ, сядѣш, ни бярѣтъ, стиряй, грѣван, сакѣтъ, няютъ* и чаще *няютъ, атьварнѣтъ, ни вазьмѣтя, дярѣвня, лябѣчя, нясѣ яю дѣля*.

3) Измѣняется удар. е въ ё въ обычныхъ для южно-великорусскихъ говоровъ положеніяхъ: *усё, нямѣтки, атьвѣв, свѣ мѣва у минѣ*.

Въ оконч. 2 и 3 л. глаголовъ 1-го спряж. е болѣе частью удерживается, рѣже измѣняется въ ё: *бярѣца, магѣтъ, нійдѣтъ, сакѣшь, идѣтъ наша дела, вазьмѣтя*. Форма *есть* постоянно произносится: *ѣсть*.

Вм. ѣ слышно ё въ сл. *набѣх*.

4) Въ глагольныхъ формахъ 1-го лица мн. ч. на мѣстѣ ударяемаго въ литер. яз. ё находимъ чистое о: *завѣм, пайдѣм, кума! сами тком*. По аналогіи съ этими: *ни мадѣм знатъ*.

5) Вставл. е въ сл. *Путивель*.

6) Звучные согласные въ концѣ словъ обычно сохраняютъ свою звучность.

7) Лј, дј и др. переходятъ въ лл, дј и др. *ллотъ, палавѣддѣ, винагрѣддѣ, угалля, пѣррѣ* и др.

8) Д и т мягкія произносятся мягче, нежели въ прочихъ великорусскихъ говорахъ Курск. губ., но несомнѣнный переходъ мягкаго т въ тсѣ мое ухо уловило только одинъ разъ въ произношеніи дѣвушки въ с. Линовѣ: *няютъ* вм. *ноютъ*.

9) Звукъ ı произносится обычно какъ h, но изрѣдка слышно

и произношеніе взрывного звука *g* на мѣстѣ *г*: ни магомъ знатъ (слыш. въ Путивлѣ), брыздавъ почти: брызжавъ.

10) *В* переходитъ въ широкое, протяжное *у* въ словахъ: деука, раунó усё, даунó.

11) Твердое *р* одинъ разъ слышалъ въ словѣ: тры капійки.

12) *Л* въ оконч. прич. прош. вр. переходитъ въ *в*: видав, прасів, гаманів, аддів, атвѣв ихъ, я у школуни хадів, усё лёта шів.

13) *К* стоящее послѣ *й* и небной согласной большею частью смягчается: колька за яб? Иванька прасив; толька; но: харашенька, дай аганькú.

14) Изъ формъ склоненія отмѣчаю нѣсколько особенностей въ оконч. мѣстн. п. ед. ч.: у в агні крѣпак, на дварѣ; на аднóм шляхѣ (sic!).

15) Им. прилагат. съ неударяемымъ окончаніемъ въ именит. ед. ч. оканчиваются на *ай*, но слышится изрѣдка и оконч. *ый*, *ий*: вот праклѣтый конь, старыйй, знакомай. Ударяемое *ой* сохраняется: маладóй напратí.

16) Въ род. п. удерживается *г=h*: мы аднадворцы, дваряньскага роду, сѣакунí; проти прежнiга дык у двайх. Чабó нийдѣш? У кабó. Чабó добрага, аглóбил нидакунисся. Другóга, краснага.

17) Въ именит. множ. удар. оконч. = *аи*: бумажнаи ёсть. Въ селахъ Яцына, Козино употребл. *им*: руськии живутъ, паньскии.

18) Мѣстоим. той употребляется въ соотвѣтствіе тотъ чисто великорусскихъ говоровъ: тóю ни патянитъ. Вóвсгліна тáя.

19) Встрѣчаются формы 2-го лица наст. вр. глаголовъ: аддасí, дасí, прясí.

20) Глаголы, какъ мыться и друг. образуютъ настоящее отъ темы неопредѣл. накл.: нидамíисси.

21) Глаголы со слогомъ *ева* измѣняютъ *е* въ *ю*: гарюбáли.

22) Суффиксъ *иц* замѣненъ суф. *ик* въ словѣ: здарóвыика: за тваё здарóвыика.

23) Употребл. предлогъ *повз*: *искать повз сход сонца*.

Тотъ же говоръ слышенъ и въ нѣкоторыхъ селахъ, примыкающихъ къ Глинской пустыни, напр. въ селѣ Козинѣ, хотя жители Козина и не называются Горюнами и по костюму отличаются отъ Горюновъ. Въ Козинѣ я встрѣчалъ случаи переходнаго смягченія гортанныхъ: *на ряцѣ на Лапузѣ; у чятыри сасѣ пахали* и друг., а также любопытныя формы прошедшаго на *ѣ*: *кидѣ ѣ ягѣ* — кинулъ его, какъ въ жиздринскомъ говорѣ.

Прозаическіе образцы говора Горюновъ записаны въ Линовѣ, Калищахъ, Новой Слободѣ и Козинѣ. Пѣсни записаны только въ Козинѣ. Большинство пѣсенъ записано отъ Надежды Павловны Ильинской, дочери о. дьякона, и ея подруги, крестьянской дѣвушки Натальи; нѣсколько пѣсенъ записано отъ супруги о. дьякона Ирины Васильевны. Пѣсни, записанныя отъ этой послѣдней, по фонетическимъ особенностямъ, передаютъ не столько крестьянскую мѣстную рѣчь, сколько мѣщанскую. Это нужно имѣть въ виду въ обсужденіи особенно случаевъ замѣны неударяемаго *е* посредствомъ *и*, встрѣчающихся въ пѣсняхъ, продиктованныхъ Ириной Васильевной.

II. Умѣренно-акающіе или *икающіе* говоры.

1. Говоръ, измѣняющій *з* въ *с* въ род. пад. прилагат. и мѣстоименій: *йивѣ, чивѣ, сѣнива*.

Представителями умѣренно-акающаго говора съ измѣненіемъ *з* въ *с* въ род. пад. прилаг. и мѣстоименій служатъ жители деревни Анненковой или Горностаевки и села Охочевки Щигр. у. Крестьяне деревни Горностаевки называются въ сосѣднемъ районѣ *Цуканами* (Цуканъ, цукѣха ж. р.). Симпатіями у сосѣдей Цуканы не пользуются: они мрачны, грубѣе и живутъ грязнѣе своихъ сосѣдей. Ихъ рѣчь медлительная (какъ и походка), тонъ ея низкій; кажется, будто говорящіе стараются прижимать подбородокъ и нарочно говорить бѣсомъ. Сосѣди — великоруссы

презрительно зовутъ жителей Горностаевки «х́амами», «в́ыворот-ными». Последніе сравнительно недавно (конецъ XVIII в. или самое начало XIX в.) переселены сюда помѣщикомъ Анненковымъ: старики помнили, что ихъ привели сюда откуда-то «съ Волимя». По одеждѣ анненковскіе цуканы напоминаютъ «егуновъ», но они не «каѓокаютъ»: какъ мужчины, такъ и женщины носятъ одинаковаго покроя верхнее теплое платье съ перехватомъ въ таліи. Женщины носятъ рубахи такія же, какъ и сосѣдки не — цукахи, но юбки носятъ изъ домашняго сукна, окрашенныя въ ярко-красный цвѣтъ и отдѣланныя по подолу полосой изъ матеріи желтаго или синяго цвѣта; голову повязываютъ платками фабричными особымъ способомъ такъ, что вся повязка съ завитыми по окружности головы концами платка, покрывающаго голову, имѣетъ видъ вѣнка; длинный конецъ платка свисаетъ на затылокъ.

1) Выдающеюся особенностью говора Цукановъ является медлительность рѣчи вообще и въ частности протяженіе гласныхъ *а* и *у*, предшествующихъ ударяемому слогу: *ни жааааю, ды жаааа май, дууббббай*. Удлиненная гласная произносится обыкновенно тономъ выше слѣдующей за ней ударяемой. Этой чертой говоръ Цукановъ сходенъ съ мосальскимъ говоромъ, изучавшимся г. Ол. Брокомъ. См. Отчетъ о дѣят. 2-го Отд. за 1902 г.

Въ пѣсняхъ эта долгота, конечно, не замѣтна, и не отмѣчается.

2) Второй особенностью говора Цукановъ служитъ то, что они измѣняютъ неударяемое *е* и *н* = *е*, предшествующее ударяемому слогу, въ *и*, если этому *е* не предшествуютъ *ж*, *ш*, *ц*: *силó, бидá, нисѣть, Сѣнька Пичѣнай, видѣть, тибѣ, сибѣ, митáи*.

3) Регрессивная ассимиляція мягкихъ гласныхъ не такъ послѣдовательно и сильно проявляется въ этомъ говорѣ, по сравненію съ сосѣднимъ: *Хзвѣтька* скажетъ цуканъ, гдѣ напр. «Сидялй» т. е. жители дер. Сидѣлѣвки, черезъ рѣчку отъ Цукановъ живущіе, говорятъ *Хзвѣтька*; за то, повидимому, послѣдовательнѣе здѣсь проявляется прогрессивная ассимиляція широкихъ глас-

ныхъ: *мужуки*. Въ связи съ этимъ можетъ быть нужно поставить происхождение произношенія: *ваздѣк* при *востѣ* у Цукановъ Анненковыхъ и *ваздѣк*, *«вѣздикъ»* у «Сидѣлей».

4) Цуканы менѣе склонны къ сокращеніямъ гласныхъ и стяженіямъ словъ: *чилавѣк*, *паднѣми*, *паднѣл*, тогда какъ напр. «Сидяли» говорятъ быстро: *чалѣк*, *падымѣ*, *падѣл* и друг.

5) Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ многіе изъ южно-великоруссовъ Курской губ. смягчаютъ *к* послѣ *й* и небныхъ согласныхъ, Цуканы анненковскіе никогда не измѣняютъ звукового характера этого *к*, причемъ конечное *ка* въ этихъ случаяхъ у Цукановъ звучитъ особенно рельефно, глубоко-гортанно и даже какъ будто съ небольшой долготой: *Сенька а Сѣнька зааанѣ*, *мѣлай*, *каравѣнку* (Сидяли скажутъ: *Сенькѣ-Сѣнькѣ...*). *Ванька Таньку палюбѣл*, *Тѣнька Вѣньки гаварѣтъ*; *Гаарѣська Ивѣньчинкав*; *сколька там ѣтава даабрѣ прапаадаитѣ*. Въ силу этой особенности, им. прилаг. съ гортанной передъ окончаніемъ, предшествуемой мягкой гласной, произносятся здѣсь съ *ай* на концѣ, тогда какъ сосѣди износятъ съ *яй*: *краснѣнькай*, *синѣнькай*, *бѣлѣнькай* («Сидяли» говор.: *краснѣнькѣй*, *синѣнькѣй*, *бѣлѣнькѣй*), при чемъ и «нѣ» у «анненскихъ Цукановъ» тверже, нежели у сосѣдей.

6) Дат. п. личн. мѣстоим. 1 л. произносятся съ глухимъ звукомъ *ы* или *з* въ срединѣ: *мѣнѣ* или *мзѣ*.

7) Въ оконч. 3 л. наст. вр. глаголовъ Цуканы не отбрасываютъ конечн. *тъ*: *нисѣтъ*, *видѣтъ*, *грызѣтъ*, *пѣтъ* и др. и, какъ видимъ, измѣняютъ удар. *е* здѣсь въ *ѣ* (сосѣди говорятъ *нясе*, *вяде* и *нясѣтъ*, *вядѣтъ*, *нѣ* и *нзѣ*); но во 2-мъ л. ед. ч. *ѣш*: *што паапрѣш*, *то и паатѣнѣш*.

8) Анненковы говорятъ: *идѣ тут прайтѣтъ* (медленно), а жители Сидѣлевки (быстро): *каѣ тут прайтѣтъ или кой тут прайтѣтъ?* Анненковы говорятъ *халадѣц*, «Сидяли»: *стѣдѣнѣ*.

Такъ какъ цеканья въ говорѣ Цукановъ нѣтъ, то происхождение мѣстнаго названія ихъ, можетъ быть, нужно поставить въ связь съ какими-либо прежними особенностями ихъ говора, утраченными на новомъ мѣстѣ ихъ жительства. Можетъ быть,

напр. Цуканы дер. Анненковой или Горностаевки потеряли свое «припвякиванье», хотя въ мѣстныхъ преданіяхъ сосѣдей Цукановъ о говорѣ ихъ и нѣтъ указаній на это. Существуютъ преданія о томъ, что цукахи носили панёвы, что Цуканы при счетѣ говорили будто бы *двадцать десять* вмѣсто 30, *тридцать десять* вмѣсто 40, говорили: *пабѣх, прибѣх*^{аа}, объ ихъ грубости, доходившей до того, напр., что одна цукаха, во время пасхальнаго обхода духовенствомъ крестьянскихъ домовъ съ иконами и угощенья духовенства, за обѣдомъ ударила ложкой попа или дьякона за то, что тотъ не съ того кушанья началъ обѣдъ, сказавъ при этомъ: *пуопрі прѣжа твоорох-то^а, а поотом поопинайся^{аа}*.

Изъ послѣдней фразы, слышанной мной отъ очень старой женщины, исконной старожилки Расховецкаго прихода, подражавшей говору анненковскихъ Цукановъ, можно вывести заключеніе, что Цуканы прежде очень слабо акалы.

2. Умѣренно-акающіе говоры или *икающіе*, сохраняющіе *е* въ род. пад. прилаг. и мѣстоименій: *иго, чиго, сѣнига*.

а) Въ Суджанскомъ, Обоянскомъ, Бѣлгородскомъ и Корочанскомъ уѣздахъ Курской губ. живутъ егуны съ умѣреннымъ аканьемъ, выражающимся въ томъ, что неударяемое *е* (изъ *е* и изъ *н*) слога, предшествующаго ударяемому и слѣдующаго за нимъ, измѣняется большею частію въ *и*, если ему не предшествуютъ *ж, ш, ц*; въ послѣднемъ случаѣ, — въ *а*: *зилѣнай, ни вѣизду, виснѣнская песня, Сиріеюшка, нивестушка приводная*¹⁾, *пирививчитай, чирѣмушка лазоривай твитѣок, билеитца, Питрѣюшка, асидлѣвши, у техъ лисѣх, за вчирѣшнѣю за грѣбасть, да гѣринки да свѣжмѣицы свѣтлавѣй да рѣбминай клинавѣй, свѣтѣл мѣсяцъ са звѣздѣми, на чѣркецкимъ на сидлѣ* (*я* обозначаетъ недостаточно ясный какъ *и*, такъ и *я*), *ни стикайси, ни чиркецкага сидла,*

1) Ср., водимыя въ лѣтоп.

снарижбная *Илёна*, *Илёнушка* *Июровна*, *стиколушка*, *свизал*, *свидила*, даже *ни жинатай*, *халостинькій*, *симой*, *смила* была, *смилёшунья*, *видёрачки*, *съ пилёнками*, *адивали*, *типёря*, *бирёзушка*, *висёлая бисёда*, *питёлька*, *матиря*, *дочиря*, *рибёнка* в *пилёнках*, *вёчир*, *ранинька*, *тонить*, *въ теримя*, *сы ялыми тьвитами*, *савивала китайкю вара́та*, *губитиль*, *сукраситиль*, *нищо ты ни знаиш*, *начисали вара́та* *растваря*, *йинарал мой*, *йинара́лушка*.

Такъ какъ неударяемое *я*, перейдя въ *е*, измѣняется одинаково съ этимъ послѣднимъ, то примѣры на измѣняющееся *я* въ *е* приводятся вмѣстѣ съ примѣрами измѣненія съ *я* изъ *е*.

Наоборотъ: *лясы*, *сястра*, *сянцё*, *нявзачяй*, *жана*, *чалавали*, *пясكى*, *вяликага*. Постояннѣ переходъ конечнаго неударяемаго *е* въ *я*: *вёшная*, *ясная*, *чуляя*, *махая*, *чалавнѣ*, *залатнѣ*.

б) Неударяемое *о* по общему правилу переходитъ въ *а*; но есть случаи перехода его въ *у*: *турѣ*, *курѣ*, *на ібраду нѣвум*, *зимувать*.

с) *И* изрѣдка облакаетъ начальные гласные: *ялаи тьвятѣ*; постоянно ён *вм*. *онѣ*.

д) Нерѣдко въ суджанско-обоянскомъ говорѣ являются ударяемые *о* и *ё* для избѣжанія стеченія согласныхъ, труднаго для произношенія: *чалѣн* *вм*. *чолн*, *бадѣр*, *храбѣр*, *шшадѣр* или *шшыдѣр*, *дабѣр*.

е) *Г* удерживается въ род. п. прилагательныхъ и мѣстоимѣній: *тѣѣ*, *чѣѣ*, *дѣбрага*. По вліянію обычнаго городского говора можно встрѣтить у одного и того же лица и замѣну *и* посредствомъ *е*. Одна и таже пѣвица мнѣ говорила: *за штоиш ён бил ишѣ*? *Чѣѣ ты?* и *чѣѣ ты сміѣсси?* Встрѣчается и *чо* *вм*. *чаѣѣ* въ значеніи *чего* и *что*.

ф) Мягкое *т* измѣняется въ *к* — въ словѣ *свѣяклѣца* *вм*. *свѣтлица*.

г) Звукъ *б* въ дат. и вин. п. мѣстоим. *тобѣ*, *собѣ*, *тебе*, *себе* выпадаетъ, такъ что получаютъ формы *таѣ*, *саѣ*, *тіѣ*, *сіѣ*: какую *б* *таѣ харѣшай* (*пѣсню*)? *Сама таѣѣ (и турѣ) ни стѣѣѣ, што*

на сѣ надѣня. Выбрасывается *д* впереди и въ словѣ *хайтя* *абедать* вм. *хадѣтя* *абедать*.

Не смотря на употребленіе формъ *саѣ*, *таѣ* крестьяне эти не называются Саянами. Назвавъ ихъ «Саянами» въ своей замѣткѣ, напечатанной въ Русс. Фил. Вѣстн. за 1889 г., № 1, я былъ введенъ въ заблужденіе г. Добротворскимъ, слишкомъ расширившимъ дѣйствительно встрѣчающееся въ Курской губ. названіе «Саяны», но имѣющее свое опредѣленное, болѣе тѣсное значеніе, о чемъ ниже.

h) Интересны сокращенныя формы глагольныя для выраженія мгновенности дѣйствія: *Сухая ветачка скрытѹ да скрытѹ*, а *я-та горькая куку да куку* (с. Лучки, Корочанскаго у.).

i) Прочія фонетическія и формальныя особенности этого говора, описаннаго уже гг. Машкинымъ и Рязановымъ, безъ различія умѣренно — акающихъ отъ сильно-акающихъ его представителей (да это на дѣлѣ часто и не возможно различить; но различать необходимо, такъ какъ факты говорятъ въ пользу необходимости такого раздѣленія, да и сами крестьяне отмѣчаютъ это различіе поговорками и анекдотами, въ родѣ ниже сообщаемого о *чловцахъ* и *чаловцахъ* въ селѣ Болховцѣ), почти тождественны съ сильно-акающимъ говоромъ Щигровскаго, Тимскаго и другихъ уѣздовъ, описаннымъ въ началѣ настоящей статьи. Бросаются въ глаза нѣкоторыя отдѣльныя слова, встрѣчающіяся въ суджанско-обоянскомъ говорѣ и не встрѣчающіяся въ говорѣ щигровскомъ: *хварботы* — обѣрка, въ Щигровскомъ у. *брыжжы*, *хварѣпка* — въ Щигровскомъ *тряпка*, *памачѣй* — пайшпы, *глек*, *глекчик* — *кушѣн* (для молока), *калѣ* — *кадѣ*, *кады*: *я зли дѣсак хто знѣитъ калѣ была* = Щигр. *я зли дѣсак хто зная када была*, *лѣмать* — мѣшкать, *ласѣвацца* — роскошествовать въ ѣдѣ, *ни но* — *ни то*, *сайн* — ситцевый сарафанъ, *шурѣяничиха* — свѣченица.

j) Можно поставить отличіемъ суджанско-обоянскаго говора то, что въ немъ, какъ въ говорѣ Цукановъ, *ть* въ окончаніи глаголовъ большею частію удерживается; глаголъ *казать* въ 1-мъ

и 3-мъ лицахъ наст. вр. сокращается: *я ку*, *я кажу* = щигровскому *грю* (говору), *ён ка*, *онъ кажетъ* = щигровскому *он ҃ртъ* или *ыртъ*.

к) Въ нѣкоторыхъ словахъ ударенія ставятся не тамъ въ суджанско-обоянскомъ говорѣ, гдѣ въ щигровскомъ: *пишачь-комъ*, въ щигровскомъ *обычно* — *пяшой* = пѣшкомъ: *я пяшой пришёл*, *пѣдамна* = щигровск. *дамно*, *рабатать* - *работать*, *смѣшина* = *смяшино*, *смѣшинай* - *смяшиной* и друг.

Въ юго-западныхъ частяхъ Суджанскаго у. въ языкѣ великороссовъ замѣтна примѣсь малорусскихъ элементовъ въ особенностяхъ говора и содержанія народной поэзіи: говорятъ *щѣ* вмѣсто *ишшѣ*, различаютъ *и*, *ы* и *ѣ* т. е. среднее между *и* и *ы* [напр. въ словахъ *нышпорка* и *нышпарить* (пронѣрливая и быть пронѣрливымъ, — ой) кое-гдѣ измѣняютъ *л* въ *ѳ* по малорусски и друг.].

III. Говоры, замѣняющіе *ц* посредствомъ *с*,

С—ш, *З—ж*, *Ч—чш* и *ц*.

Особую группу разнорѣчій Курской губерніи представляютъ *шепелеватые* говоры, въ которыхъ, при колебаніяхъ въ замѣнахъ неударяемаго *е* — то посредствомъ *и*, то посредствомъ *я*, то посредствомъ средняго звука между *е* и *и*, замѣняется звукъ *и* посредствомъ *с*, *ч* посредствомъ согласнаго, склоннаго въ одной группѣ болѣе къ *и*, въ другой къ *ш* (*и'*, *и'и'*) — звукамъ небнымъ, изрѣдка *з* посредствомъ *ж* и *с* посредствомъ *ш*. Представители этого разнорѣчія разсѣяны по разнымъ уѣздамъ Курской губерніи, живутъ островами среди массы великорусскаго населенія, какъ «егуновъ», такъ и евуновъ Курскаго, Щигровскаго, Льговскаго и Бѣлгородскаго у., отличаясь отъ него оригинальнымъ, красивымъ и дорогимъ костюмомъ женщинъ, въ настоящее время впрочемъ почти вездѣ оставляемымъ въ угоду новой, городской модѣ и времени. Въ Курскомъ, Щигровскомъ и Льгов-

скомъ уѣздахъ (частію и въ Фатежскомъ) они называются *Саянами*. Г. Добротворскій въ своей статьѣ «Саяны», напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы» за 1888 г., сентябрь, стр. 147—213, представилъ этнографическій очеркъ Саяновъ. Но онъ, во 1-хъ, слишкомъ расширилъ это названіе, смѣшавъ въ одно этнографическое цѣлое разнородныя массы населенія Курской губ.: «Саяновъ» настоящихъ т. е. крестьянъ, называющихъ сами себя Саянами, затѣмъ Горюновъ и Цукановъ, во 2-хъ, не опредѣлили отношеній Саяновъ къ прочимъ этнографическимъ вѣтвямъ русскимъ, хотя и отнесъ Саяновъ «къ славянскому типу», вопреки покойному Е. Л. Маркову, признававшему ихъ «инородцами финскаго племени», наконецъ, въ 3-хъ, ошибочно призналъ «Саяновъ» первозасельниками посемскаго края (стр. 201): (они) «не были пришлымъ элементомъ, а составляли давнишнее мѣстное населеніе, были аборигенами здѣшней мѣстности» (204).

На основаніи вышесказаннаго о Горюнахъ, послѣднее утвержденіе г. Добротворскаго есть полное основаніе примѣнить только къ Горюнамъ Путивльск. у., бывшимъ монастырскимъ крестьянамъ селъ Линова, Новой Слободы и др., отданнымъ Молченскому монастырю еще отъ великаго князя Московскаго Василія Дмитріевича въ началѣ XV в. (*ibid.* 203), но Горюновъ строго нужно отличать отъ Саяновъ. Саяны Щигр. у. Курской губ.—не только бывшіе крестьяне Курскаго Знаменскаго монастыря, но и бывшіе «вольные» и живутъ они въ тѣхъ мѣстахъ губерніи, гдѣ въ XVI в. или было крайне рѣдкое населеніе или даже «Дикое поле». По существеннымъ чертамъ говора, Саяны близко родственны жителямъ с. *Болховца* и, кажется, насколько могу судить по показаніямъ инспектора народныхъ училищъ Н. П. Ильинскаго, *Карповки* Бѣлгор. у., бывшихъ городовъ, лежавшихъ на Бѣлгородской линіи укрѣпленій; а объ основаніи этихъ городовъ имѣются вполнѣ опредѣленные указанія, при чемъ извѣстно и то, откуда набирались насельники этихъ городовъ: города эти основаны въ полов. XVII в. и «первыя насельники Карпова были переведены сюда изъ Мцен-

ска, Курска, Орла, Одоева, Переяславля, Сапожка и Москвы (И. Н. Миклашевскій, Къ исторіи хозяйств. быта Моск. госуд. 152). Болховецъ образованъ переселенцами изъ Карачева въ 1648 г. (ibid. 155). Эти историческія справки подтверждаются изученіемъ говора Саяновъ, вмѣстѣ съ говоромъ Болховца и Карпова образующихъ особую группу, сходную по измѣненіямъ *и* въ *с*, *с* въ *ш* и др. съ говоромъ с. Манаёнокъ (или Мананокъ) Бѣлевск. у. Тульск. губ. (Е. О. Будде, О нар. говор. въ Тульск. и Калужск. губ. Изв. отд. рус. яз. и слов. И. А. Н., т. III, стр. 825 слѣд.).

Шепелеватые говоры Курской губерніи, кажется, можно раздѣлить на четыре категоріи:

1) Говоры измѣняющіе *с* въ *ш*, *и* въ *с*, изрѣдка *з* въ *ш* и *с* въ *ш* (Саяны).

2) Говоры, измѣняющіе *и* въ *с* и *ч* въ *іи*.

3) Говоры, измѣняющіе *и* въ *с* и мягкое *ч* въ *и* или *іи* (прицвакивающіе Саяны).

4) Говоръ нѣкоторыхъ подгородныхъ слободъ г. Курска и Бѣлгорода, въ которомъ *с* измѣн. въ *ш* и *з* въ *ж*, рѣдко обратно.

1. Саяны.

Крестьяне, называющіе сами себя Саянами, живутъ въ Курскомъ, Фатежскомъ и Щигровскомъ уѣздахъ, въ селахъ Будановкѣ, возлѣ Коренной пустыни, Ясенкахъ, затѣмъ, по сообщеніямъ частныхъ лицъ, въ Жерновцѣ, Долгомъ, Виногроблѣ, частью Мелехиномъ, Ковонихинѣ, въ Льговскомъ уѣздѣ: въ селахъ Каньшовкѣ, Марицѣ, Банищѣ и др. Саяновъ отличаетъ, какъ сказано, оригинальный костюмъ женщинъ: саянки носятъ панёвы изъ домашняго сукна, по рисунку похожаго на сарпинку, со вшивками позади изъ бархатныхъ полосокъ, позументовъ, разноцвѣтныхъ шнуровъ, сарафаны изъ фабричныхъ матерій, называемые «саянами», рубахи съ длинными рукавами, называемыя «падноски», къ нимъ цвѣтные нарукавники или «запастья»,

фартухи, называемые «завѣсками» или «запонами», очень длинные, украшенные вышивкой; на головахъ носится «сорока», дорогой и довольно красивый, оригинальный уборъ, состоящій изъ шапочки парчевой или матерчатой, украшенной позументами, «хахлами» или кисточками, и наушниками изъ перьевъ или кусочковъ разноцвѣтной матеріи (называемыми *пѣсики*). Сорока прикрѣпляется къ головѣ при посредствѣ кички. На шею и плечи отъ сороки идетъ «позатыльникъ». «Позатыльникъ» у Саяновъ Будановки и Ясенковъ представляетъ широкую и плотную, четырехъугольную полосу четверти въ двѣ длины, спускающуюся отъ головы на затылокъ; у другихъ Саяновъ «позатыльникъ» — сплетенная изъ бисера сѣтка, спускающаяся на плечи и затылокъ. Весь женскій уборъ называется «обрядой».

Изъ имѣющихся въ Моск. Этногр. музеѣ головныхъ уборовъ съ уборомъ Саяновъ сходны головные уборы женщинъ Тамбовск. у., Мосальск. у. Калужской губ. (№ 155), особенно Тульской губ. (№ 150) и Гжатск. у. Смоленской губ.; въ Харьковск. Этнографич. музеѣ таковъ по покрою, но гораздо бѣднѣе по качеству, костюмъ женщинъ села Люджи Харьковской губ.

Относительно происхожденія названія Саяновъ мнѣ извѣстно мнѣніе покойнаго Потебни, который производилъ его отъ формы дательн. пад. мѣстоим. *сае* (=сабе), употребляемаго будто бы Саянами. Въ пользу этого предположенія говорила бы слышанная мной фраза, которою поддразнивалъ саянку изъ с. Ясенковъ железнодорожный сторожъ на курскомъ вокзалѣ: *эй, ты, сае маё, либѣдик!* Но противъ этого объясненія говоритъ то, что Саяны какъ будто неупотребляютъ именно такихъ формъ отъ мѣстоим. *себе*. Но и это возраженіе ослабляется тѣмъ, что говоръ Саяновъ вообще подвергся сильному вліянію московскаго говора «икающаго», распространеннаго въ городской, мѣщанской, полуграмотной средѣ, и преимущественно сохранился среди женщинъ, такъ какъ мужчины, занимающіеся отхожими промыслами, большею частью утеряли шепелеватость своего говора.

Г. Добротворскій полагаетъ, что Саяны называются будто

бы отъ того, что женщины носятъ сарафаны — саяны (В. Ев. 1888 г., сент. 199); но во-первыхъ, саянки носятъ еще и панёвы, а во-вторыхъ саянъ — сарафанъ встрѣчается среди населенія многихъ другихъ уѣздовъ Курской губ., неназываемаго Саянами и непохожаго на Саяновъ, наконецъ, въ третьихъ, слово *саянъ*, какъ названіе одежды, встрѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, напр. въ Черниговской губ., въ четвертыхъ, слово *сай* въ значеніи длинной женской одежды, встрѣчается у болгаръ; у сербовъ есть тоже *саја* — бела женска халина или сукня или красный платокъ: слово турецкаго происхожденія — *Saja* — *Sarsche* (см. Дювернуа, Словарь Болг. яз. Miklos. Die Türk. Elem.).

Для характеристики говора Саяновъ я пользуюсь, какъ своими наблюденіями, такъ и наблюденіями и записями бывшаго студента Харьк. универ. г. Оедоровскаго:

1) Неударяемое *о*=*а*, приче́мъ неударяемое *а* какъ основное, такъ и происшедшее изъ *о*, стоящее во 2-мъ и 3-мъ сло́гѣ отъ ударяемаго и въ слѣдующе́мъ за ударяемымъ, можетъ образовывать глухой звукъ *ы*, что, впрочемъ, г. Оедоровскій замѣтилъ только въ говорѣ уроженки с. Будановки Курск. у.: *стыя́л*, *распызнаю́*, *в Тыгнорѣя*, *пыслу́шаю*, *два ѣсныва сыкала́*, *удыва́*, *цыва́тъ*, *на пыла́ня*, *кля́тычка*, *цыва́шычка*, *бе́лыя* (= им. п. ед. ч. вм. ая).

Послѣ *ж* и *ш* на мѣстѣ литер. *е* встрѣчается *а*: *жани́мба*, *жала́ннай*, *сте́жачка*, *лучша́* и друг.

2) Неударяемое *е* и *е* изъ *ъ* переходить чаще въ *а́* (я) нежели въ *и*: *карише́к*, *калясо́м*, *вёсяла́*, *яди́ная*, *вё́тяр*, *сястра́*, *бярэ́*, *ляти́*, *нясу́тъ*, *грями́тъ*, *тиряму́*, но: *бида́*, *во́зми*, *надгѣи́жжаю́*, *дроби́н* (и *драбе́н*), *навири́ня* и *пы́скомъ*, *ни тывѣ́тъ*, *грѣ́ха*. Большее количество случаевъ замѣны *е* посредствомъ *я* въ Будановкѣ — бывшемъ монастырскомъ владѣніи — имѣетъ своимъ основаніемъ, конечно, происхожденіе населенія и его основной этнографическій характеръ. Въ с. Ясенкахъ женщина, диктовавшая пѣсни, сообщала, что у нихъ *икаю́тъ* — барскіе, а *якаю́тъ* — монастырскіе крестьяне.

3) Ударяемое *е* замѣнено посредствомъ *и* въ словѣ *падліи* (и *падліс* т. е. подлець).

4) Въ прош. вр. глаголовъ *вм.* *и* встрѣчается *я*: *навѣрѣял*, *назвобѣлял*, но здѣсь мы имѣемъ дѣло со случаями смѣшенія спряженій, какъ и въ Щигровскомъ: *наверѣял*, какъ *вѣдял* (изъ — видѣлъ).

5) Къ гласнымъ въ началѣ словъ приставляются *й* и *в*: *ю́триня*, *ю нас*, *юдо́вушка*, *во́стру*, *ванá*.

6) Звучные согласные переходятъ въ отзвучные; *в* замѣняется *ф*: *галу́нчик*, *лу́иком*, *ду́тки*, *во́тка*, *де́фка*, *удо́бка* и *юдо́бка*.

7) *Г* равно *h*; передъ гласной мягкой иногда выпадаетъ: *княи́ня*, *в Ты́анрѡ́я* (въ Таганрогѣ).

8) *Ц* замѣняется посредствомъ *с*: *у́лиса*, *санá* (цанá), *авса́* (овца); *на тэ́й саны́ купі́ла*.

9) *З* замѣняется посредствомъ *ж*: *жа́лежны́ми*, *ра́ждраж- нѣ́тя*, *жа ним*.

10) Обратно, есть случаи замѣны *ж* посредствомъ *з*: *доз*, *до́з- зык* (въ с. Боевой); *вм.* *жемчу́гъ* говорятъ *за́мчук*.

11) *Вм.* *с* слышно *ш*: *жа́вшигдá*, *ра́штакъсь*, *си́штра́*, *ушѣ́* (и *систра*, *сястра*, *усѣ́*), *на чя́тыри ша́жня*, *бра́шають* (Канышевка Лыг. у.).

12) Обратно, *с* *вм.* *ш* въ словѣ *с́лялси* *вм.* *ш́лялся*.

13) Какъ *ч*, такъ и *ш* произносятся мягко (*ушѣ́*).

14) *К* послѣ *й* и мягкихъ согласныхъ дѣлается очень небнымъ, какъ въ щигровск., обоянскомъ и суджанск. говорахъ: *тро́йкю*, *наде́лкю*, *чайкю́*; но есть случаи и *чайкү́*, *Та́нька*. Такъ какъ *ш* и *ч* здѣсь мягки, то возможны случаи смягченія *к* и послѣ этихъ согласныхъ, какъ въ старооскольск. говорѣ: *ма́ль- чѣ́шничка*, *бидня́жничка*, *зо́рюшка*.

15) Изрѣдка встрѣчается старинное смягченіе гортанныхъ: *у ма́кавам до́мя*, *э́та зна́чить*, *у ва́стрѡ́зя* (въ Будановкѣ).

16) Въ пѣсняхъ любопытно сохраненіе зват. пад. (*Мой коню ва́ро́не! пташко!*) и употребленіе формъ на *а* и *я* отъ именъ муж. р. въ значеніи зват. — именит.: *коня*, *пана капита́на*.

17) Имена среднего рода, приблизившись къ именамъ женскаго рода вслѣдствіе замѣны неударяемаго конечнаго *о* посредствомъ *а*, употребляютъ и косвенные падежи по аналогіи съ именами женскаго рода: в. п. *ста́ду*, *го́рюшку*.

18) Есть случаи смѣшенія падежей род., дат. и мѣстнаго: *на ѹлисы*, *на му́равы*, *у ѹтрини*.

19) Имена прилагательныя въ им. п. измѣняютъ неударяемыя *ой* (ѹй), *ей* (ій), въ *ай*, *яй*; въ род. пад. *и* замѣняется посредствомъ *е*: *ста́рыва*, *ми́лыва*; твор. п. муж. р. -*ам*; въ творит. ж. р. в. м. неударяем. *ою* -*ую*: *ти́хую вадбю*.

20) Неударяемое *е* въ окончаніи 3 л. наст. вр. глаголовъ, съ отбросомъ *тъ*, измѣняется въ *я*; ударяемое *еть* сохраняется, не измѣняя *е* въ *ё*. Отъ *плыть* 3 лицо наст. вр. *плу́еть*.

21) *Ся* въ глаголахъ измѣняется въ *си*: *ни́лси*, *валачи́лси*.

22) Въ селѣ Боёвой я отмѣтилъ союзы *если* в. м. *если* и *нино* в. м. *нино*; *нино бо́лян*, *нино здаро́в*.

23) Въ селѣ Никольскомъ, Амелино тожъ (въ 40 верст. отъ Курска и въ 30-ти в. отъ Коренной Пустыни), Саяны́ говорятъ: *на санѣх*, *ёсть*.

2. Говоръ, измѣняющій *ц* въ *с* и *ч* въ *чи*.

Говору Будановки, который все-таки нужно отнести къ сильно акающимъ и измѣняющимъ *ц* въ *с* въ род. п. прилаг. и мѣстоименій, до извѣстной степени противопоставляется умѣренно-акающій или *ѹкающій* и егунскій говоръ селъ Ясенки Щигр. у., а также — Болховца, Карповки и Крапивной Бѣлгородскаго у. Болховецъ и Карповка были въ XVII—XVIII в. городами и входили въ Бѣлгородскую линію укрѣпленій. Какъ выше было сказано, основаны оба были въ половинѣ XVII в.: въ 1648 году сюда были переведены на вѣчное житіе стрѣльцы и другіе служилые люди изъ городовъ Карачева, Бѣлева, *Болхова*, Кромъ, *Крапивны*, Мещовска, Серпухова и друг. (И. Н. Миклашевскій, Къ исторіи хозяйств. быта Моск. госуд. I, 155). Мои личныя, непосред-

ственные наблюденія относятся только къ с. Болховцу. О тождествѣ говора Карповки (=Карпова) и Крапивнаго съ болховецкимъ я говорю на основаніи показаній г. бѣлгородскаго инспектора народныхъ училищъ Н. П. Ильинскаго. По его сообщеніямъ, говоръ Карповки и особенно Крапивнаго еще лучше сохраняетъ типичныя особенности говора с. Болховца.

Большое село Болховецъ отстоитъ отъ г. Бѣлгорода на 6—7 верстъ. Площадь, занимаемая имъ, равняется верстамъ 10—14; жителей около 12 тысячъ обоого пола. Въ селѣ двѣ церкви: Покровская и Николаевская. Въ Покровской церкви хранятся слѣдующіе предметы старины Болховца, переименованнаго изъ города въ село въ 1782 г.

1) Крестъ съ мощами разныхъ святыхъ и русско-христіанскихъ реликвій — даръ царя Алексѣя Михайловича отъ 7161 г. т. е. отъ 1653 года. Внутри креста находились слѣдующіе предметы, какъ значится въ надписи на крестѣ: часть древа Животворящаго Креста, песокъ Иордана рѣки, муро мучен. Дмитрія Селунскаго, мощи Тихона еп. Амафусійскаго, камень горы, гдѣ скрывались Іоаннъ Предтеча съ матерію, мощи св. Саввы Сторожевскаго, часть клобука и посоха Пафнотія Чудотворца.

2) Триѡдіонъ си есть Трипѣснецъ, тѣпаніемъ и иждивеніемъ Братства при храмѣ Успенія прѣстѣя Бѣгоматере, въ тѣпогра^о: ихъ издадеса въ Лвовѣ в лѣто Ѡ созданіа міра 7172 = 1664) а Ѡ ро^ж хѣа 7172 октовра кд. На листѣ бумаги, относящемся къ переплету, есть замѣтки лѣтописнаго характера, но прочесть ихъ нельзя было на мѣстѣ, такъ какъ листъ приклеился къ крышкѣ переплета, и былъ рискъ порвать его.

3) Акаѡістникъ южной печ. XVII в. безъ нач. листовъ.

4) Праздничная минея за августъ и сентябрь, московской печ. 1758 г. съ церковно-лѣтописными помѣтками на внутренней обложкѣ переплета.

5) Иконы (3), писанныя на бархатѣ съ изображеніями Богоматери (Смоленской) и св. Тихона Задонскаго.

6) Двѣ плащаницы на шелку западной работы.

7) Блюдо оловянное съ латинской надписью полустертой и оловянная дароносица.

8) Метрическія книги *города* Болховца отъ 1780 года.

9) Межевая книга отъ 1782 г., гдѣ Болховецъ уже называется селомъ, и планъ церковной земли с. Болховца отъ 1783 г.

Въ Болховцѣ есть мѣстнотимый святой Яковъ Половневъ, юродивый. Изображеніе Половнева, окруженнаго птицами, находится на часовенькѣ, построенной надъ его могилой (называется такая часовенька «камп^нлічкой»).

Верхняя одежда мужчинъ — зипунъ съ широкимъ воротомъ — называется *чуа́*; женщины носятъ сарафаны и *сайны*. Сарафаны шьются изъ чернаго сукна домашняго приготовленія, отдѣляются разноцвѣтнымъ шитьемъ и позументомъ (парчей) по подолу и по верхнимъ краямъ, облегающимъ спину и грудь. Сайны — тѣже сарафаны, но только изъ фабричной матеріи, сукна, ситцу — темно-синяго цвѣта. Поддерживающія сарафанъ, сайнъ, помочи называются «мѣшки». Головные уборы бабъ — «чепцы» изъ парчи, покрываемые шелковыми платками зеленого, темно-синяго или коричневаго цвѣта съ золотистыми каймами. Дѣвушки носятъ на головахъ «повязки» — плотныя, твердыя полосы изъ серебристой парчи, вершковъ 6—7 ширины и въ четверти двѣ длины, укрѣпляемыя надъ передней частью головы. На шеяхъ носятъ ленты и ожерелья. Подпоясываются расшитыми полотенцами, «утірками». На ногахъ носятъ «каты» — грубо сдѣланныя изъ кожи туфли и «чивирики» — туфли лучше сдѣланныя и украшенныя кисточками, «махорчиками». Изъ народныхъ обычаевъ любопытенъ обычай «жечь перины» или «грѣть покойниковъ», справляемый на рождественскихъ праздникахъ и состоящій въ обрядовомъ жженіи соломы. Тотъ же обычай извѣстенъ въ с. Лучкахъ Корочанскаго у.

Фонетическія особенности болховецкаго говора слѣдующія:

1) Неударяемое *о* = *а*: *гара́*, *каня́*, *даса́да*. Послѣ *ж* вм. неударяемаго *е* получ. *а*: *жана́*, *жалуда́к*.

2) Неударяемое *е*, стоящее какъ во 2-мъ слогѣ передъ

удар., такъ и въ слогѣ, слѣдующ. за удар., переходитъ въ говорѣ однихъ жителей Болховца въ *и*, въ говорѣ другихъ въ *я*: бывшіе вольные *йкаютъ*, говор. *чио́* (*чи́о*), а бывшіе крѣпостные *йкають* (*чя́о*). Это фонетическое различіе въ говорѣ настолько замѣтно и опредѣлимо, что существуетъ анекдотъ о томъ, какъ вольные «*пращи́оками*» св. Николая въ Бѣлгородѣ т. е. занимались чаепитіемъ въ гостиницѣ въ то время, когда совершался обычный въ г. Бѣлгородѣ крестный ходъ съ иконой св. Николая изъ Бѣлгородскаго монастыря въ с. Устинку (5-го мая), утѣшая себя словами — «ничиго» да «ничиго», «*иши*е усьпѣимъ», и такимъ образомъ пропустили, прозѣвали то церковное торжество, для котораго они и пришли въ Бѣлгородъ изъ Болховца. Примѣры перехода *е* неудар. въ *и*: *слиза́*, *рика́*, *висна́*, *ниве́ста* (вольные) и *няве́ста* (барскіе), *ириши́ть*, *ириха́*, *ширстина́я*, *чилаве́к*, *сирида́*, *виставо́й*, *чижало́*, *ве́тир*, *па́лис*, *кры́лив*, *по́гриб(и)*, *вы́лис*, *видил*, *де́них*, *на биригу́*, *питу́х*, *нибо́с* (въ Щигровскомъ *нябо́с* т. е. не бойся), *нимно́га*, *ни тронь*, *бизь го́ду*, *чириз двор*. Но: *сяло́*, *вясло́*, *дяло́в*, *слязо́й*, *улясу́*, *пляту*, *нясу́*. Удар. *е* измѣняется въ *ё* въ сл. *тѣши́ша*.

3) *Я*, большею частію перейдя въ *е*, измѣняется какъ *е*: т. е. неудар. переходитъ въ *и*, удар. или въ *е*, или въ *ё*, или сохраняется: *ме́чик*, *запрѣх*, *па́тны* и *питно́*, *святбо́й*, *глиде́ть*, *тяну́ть*, *пита́к*, *писа́тъ*, *миса́ёд(т)*, *чижало́*, *за́ис* (заяць), *иравой*.

4) *Ѣ* перешло въ *е* и измѣняется какъ этотъ послѣдній, съ преобладаніемъ замѣнъ его черезъ *я* въ окончаніяхъ словъ: *двѣ́стя*. Въ оконч. мѣстн. падежа замѣтно колебаніе между *я* и *и*, какъ замѣнами *ѣ*; *у вастро́я*, *у гаро́хи*, *в ска́ски*, *на база́ря*, *на рабо́тя*, *в го́радя*, есть и *на биригу́*.

5) Звукъ *э* вм. *о* слышенъ въ словахъ *аттэ́ль*, *с тэ́й*, *аднэ́й* (есть и *с то́й*, *адно́й*, *у друго́й жа́ны*).

6) Звукъ *ц* замѣняется поср. *с*: *ку́риса*, *йисо́*, *сарь*, *са́пля*, *се́рса*, *Балхавэ́с*, *засо́питца́*.

7) Вм. *ч* слышемъ болѣе мягкій звукъ, который можно изобразить какъ сочетаніе *ч* и *ш* мягкихъ: *чи́и*. Въ этомъ отличіе

болховецкихъ жителей отъ Саяновъ с. Ясенковъ, гдѣ мягкое *и* въ суффиксахъ болѣе склоняется къ *и* (*и́и*).

8) Звуки *ж* и *ш* тверды, въ такихъ случаяхъ, какъ *шѣть*, *жѣть*, *кѣжы*, *жѣлѣза*.

9) Замѣнъ согл. *с* посредств. *ш* отмѣчено мало: *шышинацѣть*, *шкарлунка*, какъ во всѣхъ велико-русскихъ говорахъ Курской губерніи.

10) *Ж* вм. *з* въ словѣ *дражніть* (есть и *дружѣ*), *з* при литературномъ *ж* въ сл. *замѣи́у*, *забры*.

11) *К* послѣ *ј* и небныхъ согласныхъ смягчается: *Вѣнька*, *тѣмька*, *хазѣйка*, *чайкю*, но обычно: *тѣтушка*, *Сашка*, *рѣи́йка*, *и́ишашка* и друг.

12) Твердый *р* въ словахъ: *стрѣчь*, *скрѣпка*, *ногрип*, *грибѣ*.

13) Звукъ *и* = *h* удерживается въ род. п. прилагат. и мѣстоименій: *таго́*, *маго́*, *нашага*, *сяго́дня*, *си́льнага*, *сляпо́га*.

14) Им. прилаг. въ имен. ед.-ч. оканч. на *ай*, *и́й* (неудар.) и *ой* (удар.): *мунѣй*, *старшѣй*, *сизѣй*, *пишѣй*, *пѣшѣй*, *зилѣнай*, *мѣлай*, *мѣтѣй*, *лѣхкай*, *крѣпкай*. Въ имен. множ. *худѣи сапай*, *маладѣи рибѣта*.

15) Удареніе въ вопросныхъ словахъ Программы для собиранія особенностей в.-рус. говоровъ ставится въ болховецкомъ говорѣ такъ: *сѣта*, *журавѣль*, *тѣча* (въ другихъ курскихъ говорахъ *туча́*), *вѣрба*, *жѣтьѣ*, *спина́*, *пѣшня*, *ѣрла*, *вѣлна*, *скаварада́*, *дѣнса*, *травѣ*, *сѣжанѣ*, *шавѣль*, *дѣи́йка*, *сасна́*, *абѣи́и́и́й*, *амха́*, *салѣнка*, *маланѣя́*, *вайско́*, *Видинѣ*, *Успѣнѣя*, *свѣтанѣя*, *падрѣя*, *паталѣк*, *зимѣи́у*, *успѣх*, *вѣсиню*, *вѣсинѣ*, *прастынѣя́*, *сѣрса*, *ѣпишѣства*, *валѣшник*, *бѣлѣсь*.

Образцы говора-пѣсни — записаны мной отъ крестьянина с. Болховца Вл. Ив. Рагозина.

3. Прицвакивающіе Саяны.

Г. Добротворскій въ своей статьѣ о Саянахъ утверждаетъ, что всѣ Саяны «прицвакивають» (В. Евр. 1888 г., сент., стр.

207) и что они тождественны съ Цуканами. Мы видѣли, что Цуканы дер. Горностаевки нисколько не прицвакиваютъ. Равнымъ образомъ мнѣ не удалось отмѣтить цеканья или прицвакиванья ни въ Будановкѣ, ни въ другихъ несомнѣнно саянскихъ селахъ, примыкающихъ къ Коренскому монастырю, ни въ саянскихъ селахъ Льговск. у. Легкое «прицвакиванье» встрѣчается лишь у Саяновъ дер. Ясенки Щигровскаго у.; оно состоитъ въ измѣненіи *ч* суффиксальнаго въ *ц* или точнѣе въ *ч*. Саяны Ясенковъ кагѣ-каютъ, какъ жители Болховца. Впрочемъ, отсутствіе кагоканья въ нѣкоторыхъ саянскихъ деревняхъ, напр. Будановкѣ Курскаго у. и Канышовкѣ Льговскаго у. можетъ быть и позднѣйшимъ явленіемъ, какъ результатъ школы и господствующаго въ интеллигенціи произношенія. Въ связи съ этимъ находится въ Курской губ. поговорка, требующая не довѣрять культурности мужика, — потому что «хучь пирид смѣртью, а усѣ-таки кагѣкня» т. е. чѣмъ-нибудь да проявить-таки свою грубость и невѣжество. Женскій головной уборъ въ Ясенкахъ и сосѣднихъ селахъ частію такой, какъ въ Будановкѣ — сорока съ плотнымъ позатыльникомъ, частію какъ въ Канышовкѣ Льговскаго у. — сорока съ вязанымъ изъ бисера позатыльникомъ, частію высокая кичка, тождественная съ тѣми, какія носятъ въ с. Нижней Саковникѣ Дмитріевскаго у. Особенности говора прицвакивающихъ Саяновъ дер. Ясенки состоятъ, при умѣренномъ аканьѣ, въ мягкости *ч* и *ш* и въ замѣнахъ *ц* поср. *с*, *с* поср. *ш*, и *ч* поср. *ц* или *ч**ц*. Особенности эти сохраняются лучше въ говорѣ женщинъ. Примѣры: *харашиѣ*, *харашиѣ*, *Иванушѣ*, *Иванавиѣ*, *будювиѣ* (отъ будить), *шѣннаи дѣвушки*, *ушѣ пѣсня*. У вм. о въ *туго*; а вм. *ы* въ *байраня*. Отвердѣніе *н* въ формѣ: *ва санах* вм. *въ саняхъ*.

4. Говоръ женщинъ нѣкоторыхъ подгородныхъ слободъ г. Курска и Бѣлгорода.

Съ говоромъ Саяновъ и жителей Болховца сходенъ говоръ женщинъ слободъ Стрѣлцкой г. Курска и Жилой и Савиной —

гор. Бѣлгорода въ отношеніи замѣнъ с поср. *ш* и з поср. *ж*: *Шапка* (Сѣпка), *Шаша* (шоссе), *ш* *башѣру привижлі вожъ канѣшты*, *купила шудакѣ*, *штоба юшка была*, *шматритя*, *идуть новаи шлавари* (шлаварями т. е. словарями называли не такъ давно, когда Духовная семинарія была въ Бѣлгородѣ, учениковъ 1-го курса — словесниковъ), *зук* вм. *жукъ*.

Звуки *ж*, *з*, *ш*, *ч* отличаются въ говорѣ мѣщанокъ нѣсколько большей твердостью, нежели въ говорѣ Саяновъ.

Замѣнами *с* и *з* говоръ мѣщанокъ названныхъ слободъ сближается съ говоромъ казачекъ и частію казаковъ Старо- и Ново-Черкасска. Г. Соловьевъ, сообщая свѣдѣнія о послѣднемъ говорѣ, говоритъ (Сборн. II Отд., т. 68, стр. 7): «какъ образовался этотъ говоръ, — трудно сказать. Можно только предположить, что онъ искусственный, т. е. явившійся изъ подражанія кому-то вслѣдствіе жеманства — желанья отличатся и нравиться». Жеманство своеобразное, дѣйствительно, отличаетъ манеру говорить и мѣщанокъ слободъ Савиной, Жилой, Стрѣleckой; но объ искусственномъ образованіи этой черты въ данномъ говорѣ, конечно, не можетъ быть рѣчи, въ виду сообщаемыхъ здѣсь данныхъ изъ области современной русской діалектологіи. Затѣмъ извѣстно, что таже звуковая черта въ древности отличала говоръ псковичей (Акад. А. И. Соболевскій, Лекціи по истор. рус. яз., 2 изд., 38). Послѣдніе были выселены изъ своихъ родныхъ палестинъ московскимъ правительствомъ въ періодъ усмиренія этихъ мятежныхъ вѣчевиговъ, не желавшихъ подчиниться московскому режиму. Весьма вѣроятно, что дальновидное и опасливое московское правительство, разъединяя новгородцевъ и псковичей, послѣднихъ направляло въ южныя окраины Московскаго государства, сначала въ тульско-калужско-орловскіе предѣлы, пограничные съ Литвой, а потомъ постепенно подвигало ихъ южнѣе. Сравн. вышеприведенныя данныя объ образованіи Болховца «веденцами» Болхова, Карачева и друг. Въ пользу этого предположенія говорила бы также и особая мягкость звуковъ *ч*, *ч'*, *ч'и*,

и частью *ж*, *ш* въ говорѣ Саяновъ, бывшая свойственной, согласно изслѣдованію акад. А. А. Шахматова, и говору старыхъ псковичей (Изслѣдов. въ обл. рус. фонетики, стр. 232—233). Существенная разница между говоромъ Саяновъ и старо-псковскимъ въ отношеніи этихъ согласныхъ, конечно, та, что Саяны обыно не замѣняютъ *ш* посредствомъ *с*; но во 1-хъ примѣры и такого измѣненія можно найти въ ихъ говорѣ: *сляси* вм. *шла-ся*, *саша* и *шаша* вм. *шоссе*, а во 2-хъ, говоръ Саяновъ вообще подвергся сильному вліянію сосѣднихъ говоровъ, да и сохранился онъ главнымъ образомъ только у женщинъ. Поступающія въ школу дѣти, конечно, тоже сохраняютъ его. Это ослабленіе діалектическихъ особенностей говора Саяновъ стоитъ въ связи съ разрѣженіемъ этнографическаго состава Саяновъ посторонними примѣсями. Г. Добротворскій говоритъ, что «женщины саянки отличаются высокимъ ростомъ; онѣ сложены надиво прочно и устойчиво и обладаютъ замѣчательной физической силой» (В. Евр. 1888 г., май, 209). Это вѣрно, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что въ послѣднее время типъ саянокъ мельчаетъ. Замѣчательно, что сами саянки это сознаютъ, и напр. въ Будановкѣ одна рослая и красивая саянка съ сожалѣніемъ говорила мнѣ о томъ, что браки саяновъ съ малорослыми женщинами сосѣднихъ не — саянскихъ селъ понижаютъ ростъ и дородство настоящихъ саянокъ, къ которымъ съ видимой гордостью она причисляла себя, называя себя: «мы — *Саяны*».
